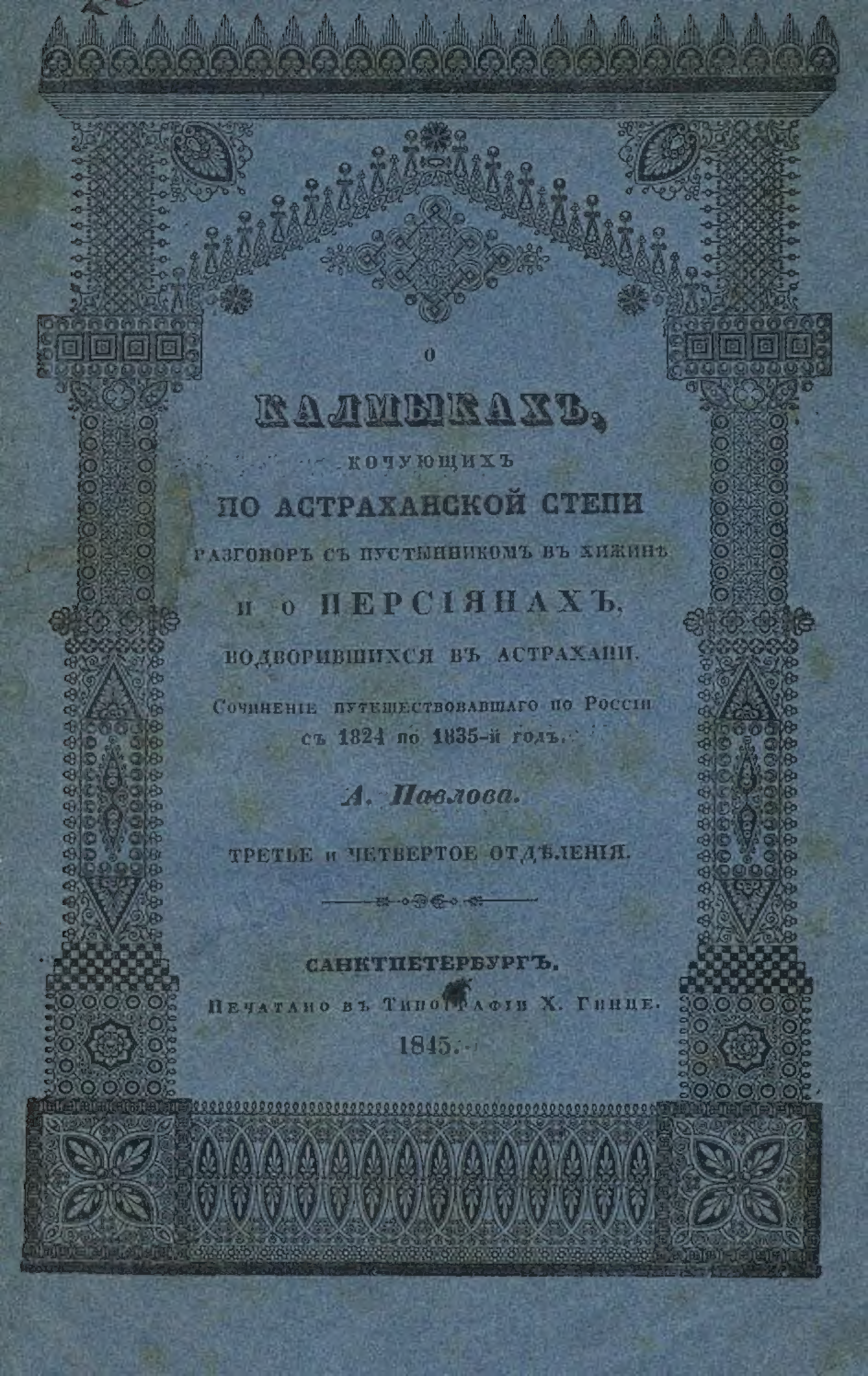
павлов.
о калмыках.
1845

О

КАЛМЫКАХЪ,

КОЧУЮЩИХЪ

ПО АСТРАХАНСКОЙ СТЕПИ

РАЗГОВОРЪ СЪ ПУСТЫННИКОМЪ ВЪ ХИЖИНѢ

И О ПЕРСІЯНАХЪ,

ВОДВОРИВШИХСЯ ВЪ АСТРАХАНИ.

Сочиненіе путешествовавшаго по Россіи съ 1824 по 1835-й годъ.

А. Павлова.

ТРЕТЬЕ и ЧЕТВЕРТОЕ ОТДѢЛЕНІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Х. Гинце.

1845.

О

КАЛМЫКАХЪ,

КОЧУЮЩИХЪ

ПО АСТРАХАНСКОЙ СТЕПИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Х. Гинце.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 27 Октября 1841.

Цензоръ *А. Крыловъ.*

Кочующіе по Астраханской степи Калмыки, въ весеннее время имѣютъ обыкновеніе отъ заливовъ рѣки Волги и Каспійскаго моря, возлѣ коихъ въ зимнее густая трава служитъ пищею для ихъ рогатаго скота, овецъ и конскихъ табуновъ, перекочевывать къ Донскимъ владѣніямъ. Оставшійся на 3-и дня улусъ, въ 7-ми верстахъ отъ бѣлозерской почтовой станціи, долженъ былъ послужить мнѣ на первый разъ убѣжищемъ и средствомъ сблизиться съ народомъ, занимательнымъ по своимъ привычкамъ, склонностямъ, вѣроисповѣданію, языку и образу жизни. Я поспѣшилъ къ нему на своемъ конѣ, въ надеждѣ сыскать хорошаго переводчика, которой объяснялъ бы мнѣ неизвѣстные предметы и прогонялъ ими скуку, обременявшую путешественника въ дикихъ, песчаныхъ и безплодныхъ степяхъ, гдѣ натура, какъ бы омертвѣла и лишила обитателей ея тѣхъ прелестныхъ видовъ и привлекательнаго расположенія къ оплодотвореннымъ предметамъ, какими наслаждаются взоры Швейцарца, живущаго при подошвѣ Альпъ.

При подъѣздѣ къ улусу, игравшій возлѣ кибитки Калмыченокъ проводилъ меня въ нее отъ собакъ. Вмѣсто семейства Калмыцкаго, увидѣлъ

я въ ней веселаго, разговорчиваго и любезнаго въ *свѣтскомъ* общежитіи Пристава. Привѣтливость его и вѣжливость плѣнили меня. Разсказавъ настоящую причину моего путешествія, я по приглашенію его отправился съ нимъ въ улусы, которые обязанъ онъ былъ по должности своей ревизовать. Майскіе утренники, при благопріятной погодѣ споспѣшествовали намъ въ нѣсколько сутокъ проѣхать до 400 верстъ. Мы заѣзжали къ Владѣльцамъ, посѣщали Улусныхъ судей, Гелюнговъ и вездѣ были приняты съ отличною благосклонностію. Я не упустилъ изъ виду, по имѣвшейся у меня картѣ свѣрить пространство мѣста, занимаемаго кочевыми жителями.

Астраханская степь съ восточной стороны прилежитъ къ правой сторонѣ рѣки Волги, начиная отъ заливовъ Каспійскаго моря, напротивъ бѣлозерской почтовой станціи существующихъ, и ограничивается къ сѣверу, Саратовской Губерніи, Царицынскаго уѣзда, владѣніями сарептской колоніи; западная сторена граничитъ съ землею Донскихъ козаковъ, а южная съ степью кизлярскаго уѣзда по рѣку Куму, за которою кочуютъ Нагайцы.

Песчаная и безплодная почва земли не имѣетъ ни лѣсовъ, ни кустарниковъ, кромѣ зеленой травы, полыннику и густаго камыша, растущаго по заливамъ рѣки Волги и Каспійскаго моря. Вся степь занимаемая Калмыками имѣетъ въ длину

до 700 а въ ширину до 600 верстъ. На этомъ пространствѣ, съ одного мѣста на другое перекочевываютъ до 30-ти тысячь кибитокъ, въ которыхъ за исключеніемъ женскаго пола считаютъ около ста тысячь душъ, раздѣленныхъ на двѣ Орды. Первая изъ нихъ называется Дербетовскою, а послѣдняя Тюменевскою. Обѣ онѣ составляютъ 9-ть улусовъ, которые подраздѣляются на Аймаки, а сіи на хотоны.

Управленіе Калмыцкаго народа, со времени подданства его Россіи, ввѣряется всегда, съ Высочайшаго разрѣшенія Азіятскимъ департаментомъ главному Приставу. Онъ обязанъ пещись о благосостояніи ввѣренной ему націи, поддерживать права ея, относительно дарованныхъ преимуществъ и обезопасить личность каждаго отъ обидъ и притязаній; нарушителей законнаго права, судя по роду преступленія подвергать штрафу, наказанію или уголовному суду, а обиженныхъ удовлетворять сообразно справедливымъ ихъ требованіямъ. На этомъ основаніи казенные Улусы состоятъ подъ завѣдываніемъ частныхъ приставовъ, которые въ сомнительныхъ дѣлахъ, испрашиваютъ разрѣшенія Главнаго Пристава и на предписаніяхъ его ведутъ порядокъ дѣлъ слѣдственныхъ и исполнительныхъ, вмѣстѣ съ улусными судьями.

Многими улусами завѣдываютъ Ноіоны или владѣльцы, а аймаками Зайсанги. Они по родословію своему представляютъ видъ нашихъ дворянъ

съ наслѣдственными правами и преимуществами; но права ихъ въ отношеніи своихъ подданныхъ имѣютъ различіе. Первые Ноіоны, по усмотрѣнію своему вольны налагать на своихъ подвластныхъ различныя подати, (*) употреблять ихъ въ работу и давать отпуски на заработки въ другихъ мѣстахъ, а послѣдніе Зайсанги, могутъ только пользоваться отъ своихъ аймаковъ очередною прислугою и денежными доходами; но это предоставленіе обязываетъ ихъ смотрѣть за соблюденіемъ порядка по аймакамъ, исполнять вточности всѣ приказанія владѣльцевъ и давать отчетъ имъ въ возлагаемыхъ на нихъ порученіяхъ. Простой народъ благоговѣетъ предъ обоими этими поколѣніями и называетъ ихъ Цаганъ Ясанъ т. е. бѣлыя кости, но не смотря на почетное титло Ноіоны, вслучаѣ неудовольствія имѣютъ право наказывать Зайсанговъ тѣлесно.

Въ путешествіи моемъ съ Приставомъ случилось мнѣ видѣть Богослуженіе Калмыковъ. Они идоло-

---

(*) Долгое время власть Ноіоновъ надъ своими подданными была неограниченна до такой степени, что они располагали не только собственностію, но и жизнію людей, принадлежащихъ къ ихъ улусамъ; но такое безчеловѣчное право Россійскіе Самодержцы уничтожили милосердыми Законами, за соблюденіемъ коихъ назидаютъ всегда Частные пристава и улусные судьи, живущіе при владѣльческихъ ставкахъ и не только не допускаютъ Наіоновъ до жестокостей надъ подвластными, но вправѣ входить въ распоряженія ихъ и обиженнымъ оказывать законную защиту.

поклонники, более слѣдуютъ ученію Ламы и благоговѣютъ передъ нимъ, какъ предъ Высшимъ существомъ. Многіе имѣютъ его изображеніе и хранятъ возлѣ бурхановъ священныхъ книгъ, писанныхъ на Тангутскомъ языкѣ. Желающіе совершить службу приглашаютъ въ свой улусъ Гелюнговъ (*) и Манжей. Съ особеннымъ уваженіемъ принимаютъ ихъ и почитаютъ, что ихъ присутствіе удалитъ навсегда отъ нихъ эрликовъ, т. е. чертей.

Эти духовные отцы по обряду своему поджавши ноги, сядутъ въ кружокъ, посреди кибитки; одинъ изъ нихъ вынетъ изъ боковаго кармана вызолоченной, или серебряной истуканчикъ, представляющій Ламу; поставитъ его на чистую полость и прикроетъ съ головы до ногъ тонкою кисеею; потомъ вытащитъ изъ мѣшка машинку, называемую на ихъ языкѣ кюрде. Она видомъ своимъ похожа на барабанъ, утвержденный на шпилѣ, которой приводится въ движеніе посредствомъ шнура. Какъ внутренность, такъ и наружность этого барабана, украшена разными тибетскими молитвами, писанными краскою. Старшій гелюнгъ, держа въ правой рукѣ шнуръ, безпрестанно дергаетъ его, отъ чего кюрде начнетъ вертѣться, а прочіе едва слышнымъ голосомъ повторяютъ священную формулу: Омъ ма ни падъ

(*) Гелюнгъ Священицкъ, а Манжа послушникъ.

ме хумъ. (*) Въ это время сидящіе во кругъ гелюнговъ молельщики и молельщицы съ благоговѣніемъ смотрятъ на почитаемое ими Божество, испускаютъ тяжкіе вздохи и видомъ сострадані́я показываютъ предъ нимъ какъ будто раскаяніе въ своихъ грѣхахъ. Спустя два часа вбѣгутъ въ кибитку нѣсколько дѣвъ, начнутъ играть въ бубны, ударять въ цимбалы, а нѣкоторые и ревѣть въ трубы; потомъ бѣгать во кругъ своего Божка и плясать до тѣхъ поръ, пока потъ начнетъ катиться градомъ съ ихъ одутливыхъ щекъ.

По окончаніи сего шумнаго торжества, гелюнги впялятъ въ мѣшокъ свой барабанъ, а истуканчика завернувъ въ кисею положатъ за пазуху. Потомъ хозяинъ кибитки подастъ жрецу особую чашечку съ водою, въ которую онъ обмакнетъ вѣничекъ и опрыщетъ имъ всѣхъ прихожанъ. Неимѣющіе возможности помѣститься въ кибиткѣ при отправленіи Богослуженія, сквозь щели ея обратятъ любопытные свои взоры на священнодѣйствія своихъ пастырей и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ выхода ихъ, что бы отъ почтительнаго имъ привѣтствія получить отраду и спасеніе душѣ. Но

(*) Многіе Калмыки покупаютъ у Гелюнговъ Кюрде за большую цѣну, и безъ нихъ вертятъ ее также чрезъ шнуръ почитая, что кругообращеніе ея замѣняетъ чтеніе молитвъ; а которымъ недосужно или лѣнь дергать ее, тѣ придѣлавши къ ней крылья выставляютъ ее на воздухъ и предоставляютъ вѣтру приводить молитвы въ движеніе, въ замѣнъ личной ихъ службы.

нетороплывые гелюнги (*), не выходя изъ молитвенной кибитки, по приглашенію старшинъ всего хотона, примутся сперва пить калмыцкій чай, потомъ курить трубки, а на послѣдокъ ѣсть вареную или жареную на шашлыкѣ баранину. Засѣданіе ихъ продолжается около 8-ми, а иногда и до 10-ти часовъ. Въ такое продолжительное время почитатели ихъ съ тощимъ желудкомъ томятся около кибитки и съ удовольствіемъ терпятъ голодъ изъ чистосердечнаго къ нимъ уваженія.

Какъ скоро услышатъ они, что Духовные отцы вставши съ своихъ мѣстъ готовятся къ выходу, то вдугъ толпа мущинъ, женщинъ и дѣвицъ обступятъ дверцы кибитки, и всякой изъ нихъ старается на перерывъ поцѣловать полу его платья и услышать изъ устъ благосклонное слово. Одинъ ласковый взоръ гелюнга и пріятная его улыбка приводитъ въ восторгъ ревностныхъ къ нему приверженцевъ, которые взявъ ихъ подъ руки ведутъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ семействъ до своихъ кибитокъ; впереди же ихъ молодые мущины съ дѣвицами пляшутъ, играютъ въ бубны, а нѣкоторые устилаютъ путь ихъ степными цвѣтами.

При входѣ въ кибитку, богатые сажаютъ ихъ на мягкія пуховыя подушки, а бѣдные на обы-

(*) Каждой Гелюнгъ и Манжа, послѣ Богослуженія выпьетъ чашекъ по 5-ти Калмыцкаго чаю, выкуритъ трубокъ 10 крѣпкаго табаку и съѣстъ фунтовъ 10-ть вареной или жареной баранины.

кновенныя полости; но всѣ вообще стараются угощать ихъ кумысомъ или простымъ виномъ, до котораго они пристрастны болѣе, нежели мірскіе люди. Не смотря на Ламайскій законъ, воспрещающій духовнымъ отцамъ вести жизнь безбрачную, имъ приверженцы всегда предоставляютъ случаи утопать въ сладострастіи; по сей причинѣ и не имѣютъ они желанія постоянно жить при хурулахъ (монастыряхъ), имѣть въ нихъ общій столъ и воздерживаться отъ горячихъ напитковъ, а часто подъ видомъ требъ или другихъ надобностей, испрашиваютъ дозволенія Ламы и разъѣзжаютъ по всѣмъ хотонамъ, что бы пресыщаться вкусными яствами и всякаго рода удовольствіями.

Многіе изъ нихъ одарены природнымъ краснорѣчіемъ. Умѣютъ разсказывать въ бесѣдахъ разнаго рода происшествія, занимать воображеніе своихъ слушателей и пользоваться ихъ неограниченнымъ довѣріемъ. Искусны будучи въ правахъ своихъ, имъ Ноіоны, Зайсанги и богатые Калмыки препоручаютъ имѣть хожденіе по спорнымъ дѣламъ, и рѣдко случается, что бы при бдительности своей проиграли они процессъ защищаемой ими партіи или какого либо лица. Но къ несчастію сами иногда остаются въ подозрѣніи у Начальства въ отгонѣ чуждаго скота или лошадей.

Права и преимущества, дарованныя Россійскими законодателями Калмыцкому народу почти на

равнѣ съ Нагайцами. Вся Астраханская степь состоитъ въ непосредственномъ ихъ владѣніи; они вправѣ дозволить другой націи кочевать на ней, и вслучаѣ самовольнаго татарами помѣщенія воспретить имъ. Съ согласія общественнаго вольны избирать другой родъ жизни (*) заводить фабрики, вступать въ откупы, подряды, заниматься рукомесломъ, производить разнаго рода мѣлочную и оптовую торговлю, сообразно постановленнымъ отъ Россійскаго правительства на таковой предметъ правиламъ. Освобождены отъ платежа подушныхъ и рекрутскихъ денегъ; изъяты отъ поземельной повинности; но обязаны только удовлетворять почтосодержателей станцій за возку почтъ, да и этотъ окладъ не превышаетъ 2-хъ рублей съ души въ годъ.

Въ родственныхъ отношеніяхъ права ихъ и обыкновенія во многомъ одинаковы съ нашими.

Дѣти мужескаго пола, послѣ смерти отца своего остаются наслѣдниками всего движимаго и недвижимаго имущества. Старшій изъ нихъ заступаетъ мѣсто родителя. Вдова не учавствуетъ въ имѣніи мужа, по смерти его, но и на собственность ея приданаго не имѣютъ права дѣти

(*) Калмыки, по привязанности къ кочевой жизни не переходятъ въ другія сословія, но всегда готовы на манеръ линейныхъ козаковъ служить подъ русскими знаменами и личными заслугами пріобрѣтать почести, принадлежащія храбрымъ воинамъ.

ея обоихъ половъ. Она по желанію своему может передать имъ имѣніе при жизни, завѣщать при смерти или возвратить роднымъ. Всѣ уступныя и завѣщательныя записи дѣлаются съ засвидѣтельствованія ихъ гелонговъ, улусныхъ судей и родственниковъ. Оставшійся послѣ смерти родителей своихъ и родственниковъ безъ всякаго наслѣдства Калмычёнокъ называется байгушъ (*) т. е. бѣднякъ, сирота. Онъ отдается по распоряженію общества къ какому нибудь семейству, причисляется къ его роду, и имѣетъ на равнѣ съ дѣтьми его право наслѣдства.

Дѣти, оставшіеся отъ первой жены, при жизни отца ихъ, оказываютъ уваженіе мачихѣ, изъ почтенія только къ ихъ родителю, по смерти котораго, если она не прижила съ нимъ дѣтей, или презрѣніе пасынковъ и падчерицъ становится ей въ тягость, всегда уѣзжаетъ на жительство къ своему отцу, матери или роднымъ. Она не имѣетъ правъ въ наслѣдіи мужа и не обязана передавать собственности ни его дѣтямъ, ни своимъ.

Выдаваемыя въ замужество дочери пользуются приданымъ по волѣ отца, матери, а за смертію ихъ по распоряженію родныхъ; но имъ назначается малая часть изъ имѣнія, противу мужскаго пола.

(*) Байгушами называются у нихъ и всѣ вообще бѣдные люди, снискивающіе пропитаніе работою, и имѣющіе малую часть рогатаго скота, овецъ, одну или двѣ лошади.

Всѣхъ юношей и дѣвицъ обязываетъ законъ почитать старшихъ. Пренебреженіе, оказанное имъ и неповиновеніе наказывается родителями безъ всякаго суда. Ихъ власть надъ дѣтьми есть священная и неограниченная, исключая уголовныхъ преступленій.

Но и тѣ самыя, по общепринятому ихъ обыкновенію обсуживаются иногда на мѣстѣ улусными судьями, безъ отсылки виновныхъ къ суду, напр: попавшійся въ первый разъ въ воровствѣ лошади, овцы или рогатой скотины Калмыкъ подвергается штрафу, во второй наказывается въ виду старшинъ нагайкою, а въ третій отсылаютъ его на сужденіе къ частному приставу, которой уже съ общаго мнѣнія судей и согласія Главнаго Пристава препровождаетъ виновнаго вмѣстѣ съ слѣдственнымъ дѣломъ въ Уѣздный судъ. Безъ всякой отмѣны поступаетъ Начальство и съ похитителями казенной соли, передержателями безъ письменныхъ видовъ бродягъ и съ самовольно отлучившимися въ другой уѣздъ, или той же Губерніи какой либо городъ безъ паспортовъ. Не избавляется отъ слѣдствія и тотъ, кто не объявитъ старшинѣ о перебѣжавшей въ его стадо изъ чужаго коровы, быка, овцы, а изъ табуна лошади; равной участи подвергается и передатель чуждаго въ другія руки вмѣстѣ съ принимателемъ, хотя бы первый изъ нихъ не получилъ отъ послѣдняго никакой выгоды.

Главпое запятіе Калмыковъ состоитъ въ размноженіи овецъ, лошадей и рогатаго скота.

Лошади ихъ довольно рослы, различной шерсти, дики и даже неприступны. Съ великимъ трудомъ ловятъ ихъ Калмыки въ табунѣ и большое прилагаютъ стараніе объѣзжать верхомъ. Но они такъ въ этомъ искусны, что могутъ почесться первыми въ мірѣ объѣзщиками. Лично я видѣлъ, какъ они накидываютъ на нихъ арканъ въ табунахъ, по примѣру Нагайцевъ и что бы приучить каждую къ верховой ѣздѣ садятся сперва на лошадь безъ сѣдла; чрезъ два или три дня, смотря по характеру ея набрасываютъ мягкой подсѣдельникъ, на которомъ проѣзживаютъ ее болѣе недѣли, и когда увидятъ, что лошадь начинаетъ привыкать къ сѣдоку сѣдлаютъ ее во всю форму, ѣздятъ на ней по трое сутокъ и не снимаютъ сѣдла по недѣли; стреноживаютъ во время пастьбы и оставляютъ въ путахъ на цѣлую ночь. Мнѣ случалось видѣть и упрямыхъ лошадей, которые при всей дикости не могутъ сбрасывать Калмыковъ на землю; не смотря на то, что она старается лечь на бокъ догадливый Азіятъ, безъ пощады бьётъ её въ то время нагайкою; отъ этихъ тяжкихъ ударовъ лошадь вскакиваетъ, становится на дыбы, или скачетъ во весь опоръ, подвергается усталости и съ изнеможеніемъ силъ постепенно обуздываетъ свою свирѣпость;— если же Европѣецъ, по незнанію осмѣлится подойти къ

ней близко, то въ одно мгновеніе успѣетъ она ударить его задними ногами, или оборвавши веревку и узду ускакать за нѣсколько верстъ, и кто жъ можетъ ее поймать? Проворный и изгибистый Калмыкъ, стремительно набрасывающій на нее арканъ, и искусно останавливающій ее на самомъ скаку.

О размноженіи коневодства, они не прилагаютъ особеннаго попеченія и не имѣютъ отличнаго приплода жеребцовъ и кобылицъ. Всё предоставляетъ имъ одна природа и надѣляетъ ихъ безъ (излишнихъ) докучливыхъ трудовъ большими табунами.

Относительно овцеводства, надобно отдать имъ справедливость, что они имѣютъ довольно хорошее понятіе о улучшеніи его и стараются всегда привести эту статью въ усовершенствованіе. Недопускаютъ никогда барановъ, овецъ и ягнятъ до какой нибудь болѣзни, и искусны лѣчить ихъ отъ нея во всякомъ случаѣ, не требуя совѣта или пособія ветеринаровъ. Собираемую съ нихъ въ большемъ количествѣ шерсть употребляютъ они на кошмы, или иначе сказать войлоки; по примѣру прочихъ кочевыхъ народовъ обвѣшиваютъ ими кибитки, а внутри ихъ служатъ они имъ вмѣсто постелей и на подсѣдельники.

Изъ шкурокъ ягнячьихъ (*) выдѣлываютъ Калмыки мерлушки, а изъ бараньихъ и овечьихъ ов-

---

(*) Ягнячьи шкурки, бараньи и овечьи выдѣлываютъ они точно такъ, какъ и Нагайцы.

чины, изъ которыхъ шьютъ довольно прочные и теплые тулупы. Закупщики ихъ рухляди Астраханскіе жители и пріѣзжіе изъ Великороссійскихъ Губерній обыватели, называемые скотинщиками, потому что они покупаютъ у нихъ въ значительномъ количествѣ рогатую скотину.

Ее по справедливости нельзя назвать отличною; и хотя она, по тѣлосложенію, росту и красивости можетъ почесться лучшею, противу находящихся въ прочихъ губерніяхъ, но никогда не сравняется съ Холмогорскою. Съ падшей отъ болѣзни и съ убитой для своего продовольствія шкуры продаютъ они тѣмъ же купцамъ, а по большей части отвозятъ ихъ въ Астрахань къ тамошнимъ заводчикамъ. Эта продажа доставляетъ имъ средства закупать различныя въ томъ городѣ издѣлія и удовлетворять свои потребности.

Кочующіе въ Казенныхъ и Владѣльческихъ улусахъ Калмыки, обремененные большимъ семействомъ, и не имѣющіе въ значительномъ количествѣ рогатаго скота, овецъ и лошадей, которыхъ называютъ байгушами, получивши отъ Пристава на свободное прожитіе законные документы, уходятъ пѣшкомъ въ Астрахань и нанимаются въ годовые работники къ тамошнимъ рыбнымъ промышленникамъ, у которыхъ занимаются они въ веслахъ, починиваютъ весною старыя сѣти, вяжутъ новыя и дѣлаютъ приуготовленія на судахъ къ отплыву на Эмбу, для производства рыбной морской ловли.

Съ пріятностію можно посмотрѣть на трудолюбивыхъ, сильныхъ и крѣпкихъ Калмыковъ, которыхъ почитаютъ первыми въ мірѣ весельными гребцами. Одинъ человѣкъ въ лодкѣ, помѣщающей 5, а иногда и семь посажировъ, довольно съ значительною поклажею, подъ управленіемъ кормщика перегребаетъ въ сутки до 80-ти, а иногда до 90 верстъ. Никогда не увидите вы на рукахъ этого гребца мозолей и не услышите ропота его, въ отношеніи усталости. Цѣлое лѣто трудится онъ на хозяйскомъ корму за 40, а много какъ за 50 руб. мѣди. Его не устрашаютъ ни ревущія волны обширной Волги, ни грозныя бури свирѣпаго моря. Онъ готовъ переплывать ихъ до изнеможенія силъ и избѣгать при всякомъ случаѣ боязни, сильно потрясающей слабодушнаго пловца.

При вязкѣ сѣтей, дѣятельныя руки Калмыка въ два часа вывязываютъ до 3-хъ косовыхъ саженъ. Собрать ихъ въ короткое время въ кучу и недопустить до запутанности, во время лова рыбы, есть дѣло расторопнаго вязальщика, искуствомъ своимъ превозвышающаго всѣхъ разновѣрцовъ, нанимающихся съ ними на ватагахъ, очугахъ, рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ обширнаго Каспійскаго моря.

Всѣ Астраханскіе промышленники съ величайшею охотою нанимаютъ Калмыковъ въ работу, ищутъ ихъ при недостаткѣ въ городѣ, а часто и посылаютъ за ними нарочныхъ въ улусы. Озада-

чиваютъ деньгами, иногда не заключаютъ съ ними письменныхъ договоровъ; не сомнѣваясь въ ихъ обѣщаніяхъ, свято чтимыхъ ими во всякомъ случаѣ, дѣлаютъ имъ довѣріе въ собственности своей и предоставляютъ даже распоряжаться имъ, какъ прикащикамъ. Во всѣхъ возлагаемыхъ на нихъ порученіяхъ, они тщательны въ изысканіи выгодъ, бережливы въ сохраненіи чуждой собственности и вѣрны въ отчетахъ.

Но выгоды, пріобрѣтаемыя ими отъ заработковъ въ сравненіи съ тѣми, которыя получаютъ отъ кочевой жизни слишкомъ малозначительны. Продажа рогатаго скота, овецъ, лошадей, верблюжей шерсти, различнаго рода невыдѣланныхъ шкуръ, мерлушекъ, овчинъ и тулуповъ составляетъ существенное цѣлой націи богатство. Многіе калмыки имѣютъ значительное состояніе, а нѣкоторыхъ считаютъ за милліонеровъ. Принявъ въ соображеніе, что Европейская роскошь имъ не извѣстна, и они не имѣютъ никакихъ прихотей, тѣсно соединенныхъ съ большими издержками, легко можно повѣрить, что капиталы ихъ ежегодно увеличиваются и они со временемъ сдѣлаются богачами, на равнѣ съ Европейскими.

Но не входя въ утонченное изслѣдованіе сокровенныхъ видовъ, считаю нужнымъ ознакомить моихъ читателей съ планировкою кибитокъ коче-

ваго народа, во время пребыванія ихъ на одномъ мѣстѣ, и образомъ движенія цѣлой массы, перекочевывающей на другое.

Главное мѣсто улуса называютъ калмыки орга, т. е. Владѣльческая ставка; при ней всегда находится Хурулъ (монастырь) и базаръ, гдѣ имѣютъ пребываніе Частный Приставъ и улусные судьи; въ казенныхъ же улусахъ ставка главнаго хурула называется куря.

Владѣльческія кибитки ставятся особо отъ прочихъ, на нѣсколько саженъ и сверхъ отличной наружности, при дверяхъ каждой врывается въ землю на длинномъ черенкѣ, остріемъ вверхъ, пика. Ночью покой Нойона и его семейства охраняютъ посмѣнно караульные. Надъ кибиткою же Бурхани-орге, въ которой хранятся бурханы, развѣваются на высокихъ шестахъ съ различными изображеніями два флага. Какъ ее имѣютъ обыкновеніе учреждать отдѣльно, то всегда ограждаютъ круглою цѣпью другихъ кибитокъ, замѣщаемыхъ Ламою, Гелюнгами и прочимъ духовенствомъ. Гораздо подалѣе отъ нея особая группа кибитокъ представляетъ базаръ. Всѣ онѣ, для безопасности отъ похищенія товаровъ ставятся плотно одна къ другой и составляютъ отдѣльный кругъ съ дверьми, обращенными во внутренность площадки, въ которую ведетъ нарочито оставленный въ одномъ мѣстѣ узенькій переулокъ. Въ этомъ базарѣ Армяне и татары производятъ различными товарами

мелочную, но весьма выгодную торговлю. Они изустно передают свѣденія Калмыкамъ обо всѣхъ новостяхъ и тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ привязанность народа, жаждущаго удовлетворить любопытство различными предметами, для разсѣянія единообразной своей жизни.

Но она занята бываетъ дѣятельностію во время перекочеванія ихъ. Какъ скоро пастбищныя мѣста, въ окрестностяхъ худука (колодца) истреблены скотомъ, овцами и табунами, въ то время Владѣлецъ даетъ приближеннымъ своимъ замѣтить, что нужно откочевать на другое мѣсто. Онъ, по волѣ своей посылаетъ нарочныхъ во всѣ кибитки извѣстить о намѣреніи своемъ. Предупрежденные Калмыки съ семействами каждое утро ожидаютъ сигнала, и какъ скоро увидятъ, что среди орги воткнута въ землю владѣльческая пика, въ нѣсколько минутъ успѣютъ разобрать кибитки, запречь воловъ въ арбы, покласть въ нихъ имущество и навьючить имъ верблюдовъ. Чрезъ часъ огромный караванъ двигается съ мѣста и оставляетъ на землѣ, отъ сгорѣвшаго аргасуна одинъ пепелъ, какъ признакъ ихъ обитанія.

Впереди всего каравана всадникъ везетъ владѣльческую пику; за нимъ ѣдетъ семейство Нойона, окруженное Зайсангами и служителями; близъ ихъ въ особенномъ экипажѣ, называемомъ денгъ-тер-

гинъ (*), въ сопровожденіи всего духовенства везутъ Ламу съ владѣльческими дѣтьми; вслѣдъ за ними гордо выступаютъ бѣлые верблюды, съ уложенными въ ящикахъ бурханами. На таковыхъ же животныхъ дѣти прочихъ Калмыковъ, посаженныя въ мѣшки и коробы, высунувъ изъ нихъ головки качаются по бокамъ ихъ, а старики и старухи сидятъ на самомъ верху между вьюковъ. Юноши же, мужщины, женщины и дѣвицы, нарядившись въ праздничныя платья, верхами на лучшихъ бѣгунахъ затѣютъ скачку и стараются другъ предъ другомъ похвалиться быстротою коней, ловкостію наѣздничества и самою перебежкою до того мѣста, гдѣ долженъ остановиться караванъ ихъ. По сторонамъ котораго, на пространствѣ 5-ти или 6-ти верстъ тянутся стада, а кавалкады охотниковъ съ гончими собаками ловятъ заійцевъ, спускаютъ на нихъ ученыхъ ястребовъ или балабановъ. Въ это время не рѣдко случается, что амуръ стрѣлами своими жестоко поражаетъ кочующія сердца, или ловитъ ихъ украдкою въ плѣнъ свой.

Равнымъ образомъ, подвиженію главной ставки имѣютъ направленія свои всѣ хотоны и цѣлой улусъ, которые останавливаясь при худукахъ (ко-

---

(*) Этотъ Экипажъ состоитъ изъ арбы, къ оглоблямъ которой, между заложеннымъ воломъ и колесами, привѣшивается на четырехъ ремняхъ нѣчто похожее на колыбель, закрытую со всѣхъ сторонъ войлаками.

лодцахъ), (*) никогда впродолженіе весны, лѣта и осени не кочуютъ на однихъ мѣстахъ болѣе недѣли. Одна зима побуждаетъ ихъ имѣть постоянное кочевье и заставляетъ отъ Нoября мѣсяца до первыхъ чиселъ Февраля вести жизнь безпечную.

Образъ домашней жизни простаго народа сначала покажется похожимъ на прочихъ кочевыхъ обитателей, но когда станешъ вникать во всѣ подробности, то нечувствительно увидишъ непримѣтную для другихъ разницу. Нагаецъ по религіи своей, не обмывъ всѣхъ членовъ тѣла, исключая спины, и не прочитавъ молитвъ никогда не сядетъ за яству; напротивъ того Калмыки, слѣдуя инстинкту утоляютъ *свой* голодъ и жажду, по мѣрѣ потребности своего желудка; никогда, подобно магометанамъ, не наблюдаютъ они чистоты въ своихъ кибиткахъ, а женщины и дѣвицы такъ небрежны, въ отношеніи своей посуды, что не только утонченный въ свѣтскомъ общежитіи Европѣецъ, но даже простолюдинъ съ отвращеніемъ станетъ смотрѣть на ихъ приуготовленія къ обѣду или ужину. Часто при личности самаго Пристава принималъ я на себя обязанность повара и кухарки. Что бы приуготовить вкусную пищу, вымывалъ горячею водою казанчикъ (котликъ), деревянную

(*) Весною караванъ проходитъ въ одинъ день отъ 15-ти до 20 верстъ, лѣтомъ въ жары отъ 10 до 15, а осенью отъ 25 и до 40, и послѣ каждаго перехода, для отдыха останавливается на короткое время.

чашку, для промытія говядины, а чаще всего баранины; имѣлъ всегда въ запасѣ, какъ старообрядецъ свою деревянную ложку, полотенцо, ножикъ, вилку и никогда не докучалъ добродушнымъ хозяевамъ о сервизѣ, которой состоитъ у нихъ изъ чугуннаго котла, большаго деревяннаго половника, маленькихъ деревянныхъ чашечекъ и коническихъ кружекъ, называемыхъ домбами. Калмыцкій чай, вареная баранина съ щербою, безъ хлѣба, соли и приправъ составляютъ жизненное для Калмыковъ продовольствіе. Любопытно было видѣть ихъ семейную трапезу. Утромъ, по обыкновенію своему женщины варятъ этотъ чай. Многіе Европейцы, не бывъ въ томъ краю, безъ сомнѣнія, не знаютъ приготовленія его, вкуса и дажа самаго растенія. Оно, по увѣренію бывшихъ въ Китаѣ Студентовъ при Миссіи находившихся, есть листы употребляемаго нами цвѣта. Эти самые листы, не ощипывая стебеля кладутъ Китайцы въ тиски и составляютъ изъ нихъ длиною въ двѣ четверти, а шириною въ одну, доски, столь отъ засухи и пресса твердыя что надобно крошить ихъ острымъ ножемъ и съ большимъ напряженіемъ. Та доска, которая требуетъ этого усилія почитается лучшею. Сперва Калмычка поставивъ на таганъ большой чугунной котелъ, изъ котораго можно накормить кушаньемъ до 50-ти Европейцевъ вскипятитъ въ немъ воду, потомъ Калмыкъ или жена его накрошитъ съ доски чаю, не болѣе 5-ти

лотовъ. Эту пропорцію всыпятъ они въ котелъ и черпая половникомъ жидкость вмѣстѣ съ разварившеюся травою переливаютъ ее безпрестанно, короче сказать: впродолженіе двухъ часовъ взмѣшиваютъ ее частымъ отъемомъ и приливомъ. Большое надобно имѣть терпѣніе, что бы дождаться этого чаю, которой медлительная хозяйка процѣживаетъ чрезъ ситечко въ другой котелъ, и переливъ изъ него въ прежній заправляетъ на огнѣ сливками, а чаще всего густымъ молокомъ и масломъ и потомъ взмѣшиваетъ половникомъ болѣе часа. Напослѣдокъ разливаетъ въ чашечки и подаетъ всей семьѣ и посѣтителямъ. Не необходимость пользоваться ихъ гостепріимствомъ, но страсть узнать обыкновенія каждаго народа и испытать его вкусъ, было причиною благосклоннаго моего пріёма, которой Калмыки по невѣденію своему считали за чистосердечное къ нимъ расположеніе. Бывъ въ аулѣ у моего кунака, я было привыкъ къ калмыцкому чаю, потому что чистоплотность въ приготовленіи его не поселяла во мнѣ отвращеніе, но въ кибиткѣ у Калмыка, котораго семейство въ сальную, пыльную и даже закоптившуюся отъ дыма посуду наливаетъ свѣжій чай, я съ большимъ принужденіемъ долженъ былъ выпить одну чашечку, которая чрезъ 5-ть минутъ послужила мнѣ вмѣсто рвотнаго. Отъ ихъ кушанья и пойла такъ очистило мой желудокъ, что никакой медикъ, помощію микстуръ не довелъ бы его

до такого положенія. Напротивъ того кочевый народъ отъ того чая дѣлается довольно тучный, здоровый и даже сильный.

Кибитка у Калмыка замѣняетъ кухню, спальню, залу, пріемную и кабинетъ. При входѣ въ нее постлана кошомка для обтирки ногъ; баранина, говядина и масло въ пузыряхъ висятъ на веревкахъ, привязанныхъ къ клѣтямъ; посреди каждой кибитки стоитъ таганъ, а подъ нимъ горящій аргасунъ, во кругъ котораго сидятъ калмыки съ женами, дѣтьми и курятъ простой табакъ; по обѣимъ сторонамъ ея напротивъ дверцовъ лежитъ ихъ имущество: подушки, лучшія кошмы, тулупы, а у богатыхъ и кованыя сундучки. Изготовивъ барана, вѣсомъ въ четыре пуда, семейство изъ 5-ти, 6-ти или 7-ми человѣкъ начинаетъ обѣдать слѣдующимъ образомъ:

Вынувъ изъ котла сварившуюся баранину положутъ ее въ большую деревянную чашу, потомъ разрѣжутъ на части и отдѣливъ мясо отъ костей, искрошутъ его на подобіе лапши; старшій возьметъ большую часть въ особую чашку, а меньшую раздѣливъ прочимъ начинаетъ кушать свою порцію безъ ложки и вилки рукою, захвативъ въ ладонь по болѣе 5-ти столовыхъ ложекъ и такъ скоро, что фунтовъ 15-ть съѣдаетъ не болѣе въ 10-ть минутъ. Не мало удивлялся я необыкновенному апетиту калмыковъ, и когда приставъ замѣтилъ, что пристрастіе ихъ къ-ѣдѣ или лучше ска-

зать жадность занимаютъ меня, ѣхавъ со мною на пути въ улусъ сказалъ мнѣ улыбаясь: «Я скоро «покажу вамъ такого ѣдока, которой удивилъ бы «цѣлую Европу.»

Въ скоромъ времени,онъ оправдалъ себя въ своемъ обѣщаніи. По приказанію его переводчикъ пригласилъ къ столу Калмыцкому довольно толстаго, средняго роста, но широко-плечаго Азіята, расположившагося показать намъ свое искуство вдоволь покушать. Ему былъ поданъ хозяиномъ кибитки небольшой барашекъ, котораго вареное мясо свѣсили мы напередъ на безмѣнѣ, взятомъ нами на этотъ случай у купца, торгующаго въ улусѣ разными товарами. Это мясо вытянуло не болѣе 30 фунтовъ. Вѣжливый калмыкъ, посмотрѣвъ на насъ съ простосердечною улыбкою придвинулъ къ себѣ чашу, искрошилъ мясо на подобіе лапши, и въ четверть часа, нимало не останавливаясь всею пятернею, безъ ложки, соли и хлѣба съ самодовольствіемъ скушалъ всю ту баранину; потомъ выкурилъ въ продолженіе часа трубки три табаку и спокойно отправился спать въ кибитку къ своей любезной супругѣ. Правду сказать, что этотъ человѣкъ удивилъ бы Европейцевъ, а въ особенности воздержныхъ и деликатныхъ французовъ, которые безъ сомнѣнія, почли бы его за медвѣдя, а не за человѣка.

Деликатностію своею могутъ похвалиться только Владѣльцы, у которыхъ кушанье приготовляютъ

въ особыхъ кибиткахъ довольно вкусное и чай ихъ можно пить безъ отвращенія. Внутренность ихъ шатровъ обтягивается шелковою матеріею, за которою не примѣтны рѣшетки, палки и кошмы, постели учреждаются обыкновенно противъ дверей, покрыты одѣялами, а для прикрасы обставлены въ видѣ балдахина богатыми пологами; по обѣимъ же сторонамъ наставлены сундуки и прикрыты коврами; среди коихъ, на лѣвой отъ входа въ рѣзныхъ и раскрашенныхъ кумирняхъ красуются бурханы. Землю устилаютъ иные кошмами, а друіе коврами. Прочія же мѣста кибитки обвѣшиваютъ богатыми сѣдлами, горскими ружьями, пистолетами, кинжалами и даже шашками; но не смотря на блестящій по ихъ обыкновенію уборъ, посреди этого шатра всегда курится аргасунъ для раскуриванія трубокъ. Нѣкоторые Зайсанги подражаютъ домашнему быту владѣльцевъ, но большую часть ихъ нельзя различить отъ простолюдиновъ.—

Занимательнѣе же всего характеръ Калмыковъ. Разсматривая поступки и соотношенія съ единовѣрцами и разновѣрцами можно было замѣтить сперваго раза въ разговорахъ ихъ хладнокровіе; но въ этомъ положеніи находятся они до того времени, пока не оскорбляютъ ихъ чести, не простираютъ корыстолюбивыхъ видовъ на собственность и свято чтутъ данныя имъ обѣщанія. Оскорбившій калмыка непристойными словами человѣкъ въ пер-

вомъ пылу гнѣва подвергнетъ себя неизбѣжному мщенію. Онъ не посмотритъ ни какакое лице, угрозы и поразитъ своего противника смертоносънымъ орудіемъ или изобьетъ толстою плетью. Обнаруживъ по торговлѣ обманъ покупателя или продавца, никогда уже послѣ того не вступитъ съ нимъ ни въ какія связи. Впредосторожность отъ лжи, сильно раздражающей ихъ, они со всѣми покупщиками рогатаго скота заключаютъ на основаніи нашихъ законовъ условія; но тѣмъ, которые выплачиваютъ въ срокъ деньги отпускаютъ его въ долгъ на значительную сумму и ждутъ заплаты ея лѣтъ по десяти. Въ семейной жизни довольно обходительны, нѣсколько суровы, но снисходительны; вѣрны въ обѣщаніяхъ и готовы на всякую услугу. Разсчетливы въ покупкѣ товара, свѣдущи въ добротѣ и даже цѣнности его. Медлительны при начатіи дѣла и рѣшительны въ бою. Въ 1812-мъ году, на манеръ линейныхъ козаковъ, они отличались противу общаго врага Европы и воинскими доблестями пріобрѣли Монаршую милость. Вообще хорошіе наѣздники, сильны въ борьбѣ и искусны въ кулашномъ бою. Въ походѣ, съ терпѣніемъ переносятъ воинскія трудности и менѣе требуютъ съѣстныхъ припасовъ. Калмыкъ доволенъ и сырою говядиною, пропарившеюся подъ сѣдломъ; ѣстъ сё съ апетитомъ, и нескучаетъ о провіантѣ, какъ будто излишнемъ для него припасѣ. Всегда сыщетъ на полѣ овцу, быка, корову, лошадь, предастъ ее въ

жертву, раздѣлитъ по частямъ съ товарищами и довольствуется вѣрнымъ запасомъ на цѣлую недѣлю.

Изъ характера народнаго можно видѣть воспитаніе его. Калмыки не имѣютъ Европейскаго гражданскаго образованія, но нельзя назвать ихъ дикимъ или полудикимъ народомъ. Образъ ихъ мыслей, исключая вѣроисповѣданія правильный и даже назидательный для другихъ. Ихъ первое правило: »Чего не желаешъ себѣ, того не дѣлай другому» есть истинное религіозное чувство христіанина; люби ближнихъ, помогай имъ сообразно силамъ своимъ и состоянію, почитай старшихъ, уважай родителей, чти ихъ власть свыше всякой, за что ближніе будутъ любить, враги трепетать, есть основная нравственность идолопоклонниковъ. Всѣ соотношенія ихъ, по взаимнымъ связямъ съ сосѣдственными народами исполняются на сихъ прочныхъ правилахъ, подтверждающихъ ихъ образованіе. Многіе изъ нихъ довольно хорошо говорятъ по Русски, а нѣкоторые и пишутъ; изъ владѣльцевъ же и Зайсанговъ, кромѣ Князей тюменевыхъ, ни одинъ не только не пишетъ, но даже и не объ ясняется на нашемъ языкѣ. Для дѣтей не имѣютъ ни школъ, ни книгъ, но передаютъ имъ изустно наставленія, заимствованныя ими отъ предковъ. Съ развитіемъ умственныхъ способностей, эти дѣти твердо укореняются въ занятіяхъ, сообразныхъ кочевой ихъ жизни. Мальчикъ,

съ 7-ми лѣтъ, здоровой по тѣлосложенію и твердости духа привыкаетъ ѣздить верхомъ, девяти становится способнымъ смотрѣть за табуномъ, скотиною, овцами; двѣнадцати свободно ловитъ на арканъ лошадь, приводитъ ее на немъ въ улусъ и даже, въ случаѣ нужды объѣзжаетъ на сѣдлѣ; въ кибиткѣ валяетъ съ старшими кошмы, сукно, выдѣлываетъ мерлушки, овчины, умѣетъ шить тулупы, шапочки, кожение шаравары и даже различную обувь.

Дѣвицы, съ дѣтства приучаются матерьми ко всякой работѣ. Шить національное платье изъ покупаемыхъ у лавошниковъ издѣлій и выдѣланныхъ ими овчинъ и мерлушекъ; приуготовлять сливочное масло, ухаживать за скотиною и исправлять всѣ потребности, относящіяся до жизненнаго продовольствія. По ихъ образу жизни онѣ дѣлаются хорошими хозяйками. Натурально, не имѣютъ никакихъ свѣденій о наукахъ, судятъ о предметахъ, соотвѣтственно кочевой жизни, но основательно и столь благоразумно, что никакой критикъ не въ состояніи опровергнуть ихъ справедливаго мнѣнія.

Въ увеселеніяхъ ихъ нѣтъ ничего забавнаго, привлекательнаго, какъ у Европейцевъ, и пляски Калмыцкія не только занимательны, но даже утомительны. Онѣ не имѣютъ ни живости, ни плѣнительной граціи, очаровывающей взоры; и когда начнешъ со вниманіемъ разсматривать, какъ они

стараются изгибать руки по кадансу бубна, преклонять колѣна, выгибать ноги и оказывать искусство пантоминами, то невольнымъ образомъ пожалѣешъ о плясунахъ, изнурявшихъ свои члены изъ одного мнимаго удовольствія.

Этотъ недостатокъ замѣняютъ Калмыки на скачкахъ, во время ихъ праздниковъ. Они, по обыкновенію своему съѣзжаются на ровное поле на отличныхъ бѣгунахъ; два наѣздника, при свидѣтеляхъ, жаждущихъ на всемъ скаку видѣть искуство въ побѣдѣ одинъ надъ другимъ дадутъ за руки посредникамъ закладъ въ 50, во 100 и даже въ 200 рублей ассигнаціями. Предупредя своихъ товарищей, что стащившій съ лошади остается побѣдителемъ, сопротивники, на подобіе пущенной изъ лука стрѣлы, приударивъ скакуновъ, пустятся версты на полторы во весь опоръ, и не доскакавъ до назначеннаго мѣста на скаку одинъ другаго стаскиваетъ съ лошади, или сбрасываетъ на землю, или пересаживаетъ на свою лошадь; другіе на скаку же подхватываютъ мелкую серебреную монету, четвертакъ, гривенникъ и даже пятачокъ; выполняютъ условія съ отчетливостію и никогда не дѣлаютъ проигрыша, на счетъ своего искуства, опытностію пріобрѣтеннаго; имъ должно отдать справедливость, что они отличные наѣздники и готовы заложить все свое имѣніе, если кто либо подхватитъ его на арканъ.

Многіе дѣлаютъ попытки, но ни одному надъ другимъ не удается одержать побѣды. Ловкость не допустить до себя близко, закинуть голову за гриву лошади, оборотится на бокъ, или подъ пузо ея, ухватиться руками за стремена, придерживаясь ногами за арчакъ и ускакать отъ своего противника, есть столь быстро преходяща, что каждой зритель не только удивится, но даже не повѣритъ глазамъ своимъ, и сочтетъ эти сцены за метеоръ или волшебныя явленія, сопровождаемыя адскою силою.

Но гостепріимствомъ Калмыки, не могутъ похвалиться предъ Нагайцами. Безспорно, что они путешественника въ первый разъ поподчиваютъ, оставятъ погостить, но только такого, отъ котораго надѣются пріобрѣсть какую нибудь выгоду, короче сказать: соразмѣряютъ виды свои, подобно Европейцамъ, и по недовѣрчивости къ нимъ строго осмотрительны. Вникаютъ въ каждую малость и не оставятъ безъ вниманія узнать біографію посѣтившаго ихъ лица. Эти утомительные распросы часто наводили мнѣ скуку, но не служили въ тягость изъ уваженія моего къ ихъ Приставу, сопутствовавшему мнѣ по всѣмъ мѣстамъ, занимаемымъ этимъ народомъ. Его присутствіе со мною останавливало Калмыковъ отъ излишняго любопытства и обнаружило ихъ скрытность, употребляемую, противу Европейцевъ. Вотъ тому доказательство.

Въ одномъ улусѣ дѣлали приуготовленіе къ свадьбѣ; приглашаютъ пристава и совѣтуются съ нимъ можно ли допустить меня быть свидѣтелемъ ихъ новобрачнаго праздества. Чистосердечно расположенный ко мнѣ Начальникъ ихъ объяснилъ имъ, что я короткій его пріятель, довольно знакомъ съ главнымъ ихъ Приставомъ, пользуюсь его уваженіемъ и извѣстенъ многимъ особамъ, служащимъ въ Иностранной Коллегіи. Эта рекомендація открыла мнѣ путь бесѣдовать съ протекторомъ въ кибиткѣ, при большомъ собраніи мужскаго и женскаго пола, Гелюнговъ, старшинъ и видѣть ихъ свадебныя пирушки, странныя, но для наблюдателя занимательныя и веселыя по разнообразію пріемовъ; что всякой Европѣецъ отъ души посмѣется и пожелаетъ, что бы такія сцены почаще являлись и въ столицахъ для забавы всѣхъ классовъ людей.

Сватовство у Калмыковъ не въ употребленіи. Дѣвицы, посѣщающіе кибитку для отправленія Богослуженія, имѣютъ случай знакомиться съ юношами. Въ продолженіе года, а иногда двухъ, когда любовныя связи укрѣпятъ союзъ въ пламенѣющихъ другъ къ другу сердцахъ, въ то время предавшіеся страсти объясняютъ намѣренія свои родителямъ. Съ ихъ согласія вступаютъ невѣста и женихъ въ законной бракъ. (*)

(*) Часто случается, что смѣтливые женихи увозятъ не-

До начатія его, отцы и матери переговорятъ между собою, безъ свидѣтелей, и заключатъ словесной договоръ, сколько должна невѣста принести за собою приданаго жениху. Изслѣдуютъ напередъ какими способами и средствами мужъ будетъ пропитывать жену свою и будущихъ дѣтей; достаточны ли онѣ, и не требуютъ ли поддержки Со стороны родителей? Они съ утонченною разборчивостію вникнутъ въ взаимныя склонности ихъ и дознавъ чистосердечное другъ къ другу расположеніе приступаютъ къ заключенію брака.

Присутствующими его въ назначенный день, въ обширной кибиткѣ, вмѣщающей до 50-ти человѣкъ бываютъ Гелюнги, старшины, родственники съ обоихъ сторонъ и почетные изъ того улуса старики. По обыкновенію ихъ невѣста и женихъ, садятся между двухъ Гелюнговъ, предъ которыми на кошмѣ поставятъ почитаемыя вступающихъ въ бракъ божества (статуйчики), смотрятъ на нихъ

вѣстъ тайкомъ на отличныхъ бегунахъ въ улусы и совершаютъ въ нихъ браки чрезъ Гелюнговъ. Это похищеніе ни родителями, ни родственниками и даже сторонними людьми не почитается за предосудительность; но напротивъ того всѣхъ похитителей называютъ они удальцами, сообщаясь съ ними, воздаютъ имъ похвалу и за таковыя подвиги дѣлаются дружелюбными ихъ семьянинами; если же при похищеніи, отецъ невѣсты или родственники ея догонятъ ихъ на пути и успѣютъ отбить у жениха невѣсту, то его изобьютъ нагайками, какъ недостойнаго владѣть ею, а дѣвицу увезутъ къ себѣ.

съ благоговѣніемъ и умилительными взорами и спрашиваютъ милости. Вмѣстѣ съ ними разставятъ своихъ божковъ духовные отцы и въ глубокомъ молчаніи взирая на нихъ, какъ на святыню испускаютъ тяжелые вздохи; сидя наклоняютъ безпрестанно надъ ними головы, пошевеливаютъ губами и этимъ шепотомъ умоляютъ ихъ о ниспосланіи счастливой супружеской жизни на новобрачныхъ. Спустя четверть часа, въ одно мгновеніе схватятъ своихъ милостивыхъ божковъ, попрячутъ ихъ въ карманы и пазухи. На послѣдокъ мать невѣсты начнетъ разносить въ чашечкахъ сперва Гелюнгамъ, а потомъ посѣтителямъ Калмыцкій чай и жареные въ маслѣ изъ прѣснаго теста катышки, вмѣсто нашихъ кренделей или сухарей.

Напившись чаю, хозяйка каждому лицу подаетъ вареную въ чашкѣ баранину. Гелюнги, гости и новобрачные берутъ изъ нея по частямъ, и каждая изъ нихъ равняется не менѣе 5-ти фунтамъ. Это кушанье матери невѣсты придется разносить цѣлый часъ; и когда она занимается угощеніемъ, въ то время, каждый гость крошитъ эту баранину, на подобіе лапши, и не дожидаясь прочихъ посѣтителей, всею пятернею, безъ ложки, хлѣба и соли кушаетъ свою порцію, и такъ скоро, что въ 10-ть минутъ у каждаго изъ нихъ чашка становится по прежнему порожнею.

Не успѣютъ покушать этой яствы, Калмычка разноситъ гостямъ въ чашечкахъ щербу (супъ бараній, только безъ крупъ и приправы), которою запиваютъ они медленно съѣденное напередъ, и съ такимъ самодовольствіемъ, что при всей расторопности хозяйка не успѣваетъ подавать имъ любимой ими буліонъ (будапъ), не имѣющій для насъ никакого вкуса и даже противный.

Отпивъ его, съ часъ посидятъ они молча, для успокоенія своего желудка; потомъ Гелюнги заведутъ какой нибудь любопытный разговоръ и съ такою тихостію, что за кибиткою не слышно даже ихъ голоса и нельзя повѣрить, есть ли въ ней хотя одинъ человѣкъ. Но скромная эта бесѣда продолжается не долго. Вдругъ нарушаютъ ее приходящіе дѣвы съ бубнами, которые заведутъ пляску и бѣганіемъ своимъ во кругъ посѣтителей и новобрачныхъ такой подымутъ шумъ, что сдѣлаются въ тягость и терпѣливому человѣку, привыкшему смотрѣть съ равнодушіемъ на такія праздпества.

Но эта свадебная пирушка не оканчивается еще пляскою. Дѣвы, переставъ играть въ бубны отъ усталости выйдутъ прохладиться на свѣжій воздухъ. Вмѣсто ихъ приходятъ на смѣну другія, принимаются за пляску и не удовольствовавшись ею, начнутъ стучать въ большіе барабаны и такъ громко, что непремѣнно нужно заткнуть уши. Потомъ вытащутъ изъ кибитки всѣ инструменты;

двѣ изъ нихъ поведутъ жениха и невѣсту въ особую маленькую кибитку, приготовленную на подобіе спальни въ азіятскомъ вкусѣ и предоставятъ новобрачнымъ покой, что бы оживотворить свои чувства и насладиться взаимнымъ удовольствіемъ.

Между тѣмъ собраніе посѣтителей и съ Гелонгами бесѣдуютъ за кумысомъ, а иногда за простою горѣлкою, къ которой они такъ пристрастны, что каждый изъ нихъ въ состояніи выпить въ продолженіи почти по цѣлому ведру. Во время этой попойки курятъ безпрестанно трубки, и сдѣлавшись хмѣльными, вмѣсто внятнаго разговора, бормочутъ другъ съ другомъ, то приподнимая то закрывая глаза отъ усыпительной дремоты. Въ это время, по обыкновенію ихъ входятъ въ кибитку борцы, кулашники и силачи, показывающіе силу тягаться на палкахъ. Посреди гостей въ кругѣ сидящихъ, принимаются охотнички за свою потѣху. Въ одно время, двое борются, двое тянутся на палкѣ, а двое бьются въ кулачки, зрители дремлютъ, а побѣдители съ побѣжденными попьютъ всю горѣлку и напослѣдокъ Гелюнговъ, стариковъ поднимутъ на плеча и отнесутъ въ ихъ кибитки.

Утромъ соберется большая толпа около шатра новобрачныхъ. Гелюнги, манжи и родители жениха и невѣсты войдутъ къ молодымъ, поздравятъ ихъ съ новосѣльемъ, и въ сопровожденіи дѣвъ и

цѣлаго улуса Калмыковъ, калмычекъ, юношей и ребятишекъ, поведутъ ихъ съ поздравленіемъ по всѣмъ кибиткамъ, въ которыхъ новобрачныхъ дарятъ разными гостинцами, и по большей части ягнятами, барашками, овечками, телушками, бычками и жеребятами. Ѣдущій за ними на одноконной арбѣ калмыкъ принимаетъ отъ каждой кибитки маленькихъ животныхъ и перевозитъ ихъ къ кибиткѣ молодыхъ; которые по возвращеніи приглашаютъ гостей и пируютъ такимъ образомъ цѣлую недѣлю.

Не спавши цѣлую ночь съ Приставомъ мы въ отведенной ему кибиткѣ заснули уже на разсвѣтѣ дня и проспали спокойно до 11-го часа; на другой день представился намъ случай побывать въ Ламайскомъ храмѣ, основанномъ Княземъ Тюменевымъ.

Онъ выстроенъ на подобіе дворца, съ длиннымъ портикомъ, поддерживаемомъ колоннами; но судя по китайскимъ башенькамъ, фестонамъ, полумѣсяцамъ и золотымъ шарамъ, на немъ находящимся, онъ представляетъ видъ Индійскаго пагода. При входѣ въ храмъ, внутреннее расположеніе его состоитъ изъ одного главнаго олтаря и двухъ боковыхъ придѣловъ, какіе обыкновенно существуютъ въ западныхъ церквахъ. Стѣны и потолокъ выкрашены голубою краскою, а на сводѣ каждой аркады написана радуга. Ихъ священныя изображенія совершенно похожи на ки-

тайскіе шторы, которые окружены разноцвѣтными платками и драпируютъ стѣны главнаго храма; въ углубленіи коего святилище отдѣлено позолоченными арками и колоннами. Въ немъ поставленъ на возвышенномъ мѣстѣ раззолоченный истуканъ Ламы, въ золотой шапкѣ и широкомъ платьѣ, обложенномъ золотымъ же газомъ. Позади его, другой истуканъ, въ подобномъ украшеніи, по мнѣнію идолопоклонниковъ есть какой то сильной божокъ; внизу предъ ними придѣланъ столъ, на которомъ поставлена чаша съ четырьмя ручками и нѣсколько маленькихъ чашечекъ, насыпанныхъ зерновымъ хлѣбомъ и сухими маргаритками. Предъ самымъ святилищемъ на доскѣ разставлены такія же приношенія и дары, а между ими стоитъ серебреная ваза, налитая водою, въ которую опущенъ вѣничекъ изъ павлиныхъ перьевъ, для опрыскиванія имъ всѣхъ прихожанъ, покланяющихся Ламѣ; въ честь же и другимъ Божествамъ каждой боковой храмъ имѣетъ подобныя приуготовленія.

Въ назначенный день, для службы Лама въ денгъ-таргинѣ, окруженномъ Гелонгами и Манжами, сидящими на верховыхъ лошадяхъ выѣзжаетъ въ храмъ. въ сопровожденіе многочисленнаго народа; передовые предупредивъ пріѣздъ за нѣсколько саженъ, въ одно мгновеніе слѣзши съ коней съ почтеніемъ подбѣгаютъ къ экипажу и вводютъ его въ пагодъ, устланной кошмамя и коврами; въ кото-

ромъ сажаютъ на подушку и стремглавъ бросаются къ ногамъ, а иные прикасаются къ поламъ его платья. Такую же почесть оказываютъ Гелюнгамъ, которые склавъ ноги сядутъ по обѣимъ сторонамъ перво-священника, начнутъ ревѣть въ трубы и ударять въ цимбалы. Въ это время богомольцы съ умиленіемъ обратятъ взоры по истукана (Ламу) и ожидаютъ драгоцѣнной для нихъ минуты, въ которую пастыри ихъ позволятъ имъ подходить къ нему для поклоненія. По прошествіи двухъ часовъ, когда духовные отцы окончатъ свое Богослуженіе, посредствомъ кюрдей и инструментовъ производимое, тогда вставъ съ мѣстъ сдѣлаютъ привѣтствіе главному жрецу и взявъ его подъ руки подведутъ къ вызолоченому истукану. Живой Лама припадаетъ къ подножію его, у котораго постоявъ нѣсколько минутъ и прочитавъ шепотомъ молитвы возвращается не прежнее мѣсто. Между тѣмъ Гелюнги по очереди опрыскиваютъ водою святыню и подходящихъ къ нимъ богомольцевъ; внушаютъ имъ, чтобы они выходили изъ храма и дожидались у входа шествія Первосвященника; сами же приподнявъ его на ноги ведутъ къ дверямъ, у которыхъ толпа почитателей подхватываетъ его подъ руки, сажаетъ въ денгъ-тергинъ и везетъ въ хурулъ въ сопровожденіи легкоконныхъ наѣздниковъ и цѣлаго духовенства.

Посмотрѣвъ издали на эту процессію, я отправился съ Приставомъ въ улусъ и желалъ узнать

отъ него, какъ празднуютъ Калмыки день рожденія своего или именины, но онъ съ улыбкою отвѣчалъ мнѣ: что эта нація не соблюдаетъ обыкновеній, похожихъ на Европейскія; они имѣютъ имена но не воздаютъ имъ никакихъ почестей, а иные даже не помнятъ, котораго года, мѣсяца и числа произведены на свѣтъ. Младенцевъ обоего пола матери не пеленаютъ, качаютъ въ люлкахъ, стоящихъ на землѣ и не прививали имъ оспы до того времени, пока Россійское правительство не ввело въ употребленіе эти операціи. И дѣйствительно, по замѣчанію моему, я не видалъ ни Калмыка, ни калмычку ни дѣтей ихъ обоего пола рябоватыхъ.

Разговоръ нашъ прервалъ вошедшій въ кибитку Калмыкъ, которой подалъ Приставу отъ переводчика записку. Прочитавъ ее, онъ сказалъ мнѣ: не угодно ли вамъ посмотрѣть похороны Калмыцкіе? я съ радостію принялъ это лестное для меня предложеніе и отправился съ провожатымъ въ другой улусъ, отстоящій отъ занимаемаго нами не болѣе четырехъ верстъ.

Недоѣхавъ нѣсколько саженъ, увидѣли мы покойника, котораго Калмыки везли на арбѣ къ могилкамъ, въ 3-хъ верстахъ на обширномъ и высокомъ курганѣ находящимся. Умершій былъ одѣтъ въ то самое платье, въ которое онъ одѣвался при жизни своей, т. е. въ нагольномъ тулупѣ, безъ рубашки, въ овчинныхъ шараварахъ, красныхъ сапогахъ и въ маленькой суконной блѣдно-желтаго

цвѣта шапочкѣ, опушенной мерлушкою. Руки (*) его находились въ томъ положеніи, въ какомъ онъ умеръ, потому что калмыки не имѣютъ обыкновенія складывать ихъ крестообразно, а предоставляютъ покарять члены тѣла естественной силѣ, хотя бы умирающаго скорчило въ дугу; привезши покойника на курганъ, опустили они его въ узкую и тѣсную могилку, вырытую въ ростъ человѣка и поставили стоймя, засыпали его слегка землею по шею, а голову оставили наружя для того, что если покойникъ чрезъ нѣсколько дней очнется, то имѣлъ бы онъ возможность выползти изъ своего тѣснаго жилища и возвратится къ роднымъ. Примѣры эти были у нихъ не рѣдки, и для того то они принимаютъ мѣры къ освобожденію обмертвѣлыхъ Летарговъ. Впрочемъ совершенно умершіе остаются въ этомъ положеніи болѣе двухъ недѣль; по истеченіи коихъ, засыпаютъ они ихъ землею, что бы трупы не могли послужить на съѣденіе. Волкамъ или хищнымъ птицамъ.

Узнавъ странный обрядъ Калмыковъ и подивившись ихъ необдуманной предусмотрительности, возвратился я съ провожатымъ къ Приставу, а на другой день поблагодаривъ его за гостепріимство доѣхалъ благополучно до Джуруковской почтовой станціи, въ которой привелъ въ систематическій порядокъ всѣ замѣчанія мои о Калмыцкомъ народѣ.

(*) одна изъ нихъ держалась за голову, а другая за животъ.

Относительно костюма ихъ, можно сказать, что онъ во многомъ похожъ на Азіятской; но съ нѣкоторою разницею въ покроѣ. Они носятъ бешмети подобно Нагайскимъ а сверху ихъ полукафтаны длиною за колѣна и съ про рѣзанными рукавами; въ лѣтнее время изъ лучшей нанки, а въ зимнее изъ валенаго ими сукна. Иные во все время года ходятъ въ овчинныхъ тулупахъ, коженыхъ шараварахъ и сафьяныхъ желтаго или краснаго цвѣта сапогахъ, съ желѣзными подковками, которыя служатъ имъ вмѣсто шпоръ для понужденія или удержанія лошади. Голову брѣютъ, начиная со лба до половины; задними же волосами, заплетенными въ косы прикрываютъ бритое мѣсто; оставляютъ усы и подстригиваютъ бороды такъ искусно, что всякой подумаетъ, что они брѣются подобно Европейцамъ. Въ продолженіе цѣлаго года носятъ плоскія шапочки, сшитыя изъ блѣдножелтаго сукна и опушеныя порешиною или лошадиною мягкою кожею, шерстью вверхъ.

Одежда женская не имѣетъ никакого различія отъ мужской, исключая только то, что калмычки для прикрасы заплетаютъ косы, которыя отращиваютъ почти до поясницы.

Лама ихъ носитъ изъ шелковой матеріи длинный халатъ голубаго цвѣта, парчевый бешметь, желтые сафьяные сапоги и такого же цвѣта шапочку, обшитую золотымъ газомъ; сидя въ кибиткѣ при собраніи Духовенства, онъ перебираетъ без-

престанно пальцами четка и часто съ Гемонгами занимается истолкованіемъ бурхановъ.—

Всѣ Гелонги ходятъ въ длинныхъ краснаго цвѣта халатахъ, надѣтыхъ сверхъ бешметей изъ лучшей матеріи; но прочее одѣяніе ихъ и обувь похожи на простолюдиновъ.

Обращая вниманіе на тѣлосложеніе Калмыковъ можно утвердительно сказать, что они всѣ вообще широкоплечи, полнокровны и могутъ похвалиться здоровьемъ своимъ противу прочихъ народовъ, исключая киргизцевъ; черты лица ихъ одинаковы (*) и не показываютъ никакого различія въ характеристикѣ; не смотря на сладострастіе женщинъ и любовныя связи съ разноплеменными людьми дѣти ихъ обоихъ половъ всегда носятъ отпечатокъ лица матери или отца.

Языкъ ихъ по произношенію столь грубъ, что каждой иностранецъ съ трудомъ можетъ произносить каждое ихъ слово. Онъ не имѣетъ сходства ни въ выраженіи, ни въ оборотахъ своихъ съ другими восточными языками и служитъ доказатель-

---

(*) Калмыка и Калмычку легко можно узнать по первому взгляду: они имѣютъ широкообразное лице, одутловатыя щеки, маленькіе глазки, тонкія брови и рѣзкія рѣсницы. Если кто съ насмѣшливою улыбкою взглянетъ на Калмыка, то онъ отрывисто скажетъ: Не смотри, что у меня маленькіе глазки,— они далеко-далеко видятъ,— больше 40 верстъ. И дѣйствительно, что ѣдучи съ нимъ верхомъ степью не только днемъ, но даже ночью никогда онъ не собьется съ дороги и доведетъ до улуса безошибочно.

ствомъ самостоятельности ихъ, неподвергающейся разноплеменности.

Калмыки пристрастія къ наукамъ не имѣютъ и тщательно скрываютъ свои книги, писанныя на Тангутскомъ языкѣ; никогда не читаютъ ихъ при постороннихъ людяхъ и не обнаруживаютъ предъ ними своихъ сужденій. Въ бесѣдѣ разговариваютъ только о дѣлахъ, относящихся до ихъ кочевой жизни, выгодной продажи скота, овецъ и лошадей. Жить съ ними очень скучно и если бы по благосклонному расположенію своему ко мнѣ приставъ ихъ не занималъ меня разсказами о разнообразныхъ предметахъ, то два или три дня, показались бы для меня слишкомъ отяготительны.

Одна только пѣсня Калмычки заслуживаетъ вниманіе любителя Поэзіи.—

ПѢСНЬ КАЛМЫЧКИ.

Милой ты мой, милой, несравненной,
Украшенье свѣтлаго Калчана!
Твое-мое сердце зернь двойчатка;
Въ небѣ живутъ солнышко съ луною;
А на землѣ ты да я мы оба!—

КОНЕЦЪ 3-го Отдѣленія.

РАЗГОВОРЪ СЪ ПУСТЫННИКОМЪ

ВЪ ХИЖИНѢ И

О

ПЕРСІЯНАХЪ, ВОДВОРИВШИХСЯ ВЪ АСТРАХАНИ

СОЧИНЕНІЕ

Путешествовавшаго по Россіи съ 1824 по 1835 годъ

АНДРЕЯ ПАВЛОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ІОГАНСОНА

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Дерптъ, Мая 10-го, 1842 года

Цензоръ Михаилъ Розбергъ.

чувства и намѣренія, оборачиваюсь, щупаю дверь и не нахожу ее. Вдругъ показался свѣтъ и ко мнѣ подходитъ въ крестьянской одеждѣ сѣдой старикъ и сурово спрашиваетъ меня: Кого тебѣ надобно? откуда ты? — Извини, любезный старикъ, что я нарушилъ твое спокойствіе, сказалъ я ему въ отвѣтъ: я путешественникъ, ѣду изъ Калмыцкой орды въ Астрахань, а остановился на станціи, что бы откормить свою лошадь.

Старикъ. Путешественникъ? милости просимъ; я радъ дорогому гостю. Благодарю васъ, что вы посѣтили мою хижину.

Я. И безъ всякаго намѣренія; я прогуливался по этому бугру; высокой курганъ привлекъ мое вниманіе — случайно напалъ на тропину, увидѣлъ слѣдъ и зашелъ къ вамъ. —

Старикъ. И хорошее сдѣлали дѣло. Я живу здѣсь 20 лѣтъ; ни одинъ человѣкъ еще не переступалъ за порогъ мой и ни одного смертнаго не слыхалъ я здѣсь голоса.

Я. Какъ! 20 лѣтъ!

Старикъ. Точно, 20 лѣтъ.

Я. Что же васъ побудило жить въ такомъ уединеніи?

Старикъ. Недоброжелательство людей. Оно преслѣдовало меня до старости моей и заставило избрать это мѣсто, — мѣсто вѣчнаго моего покоя.

Я. Извините, мое любопытство, вы были женаты, или и до сихъ поръ. . . .

Старикъ. Былъ женатъ, и женщина причиною всего моего несчастія. . .

Я. Женщина! это удивительно! кажется этотъ ми-

лый и нѣжный полъ приноситъ намъ болѣе въ жизни удовольствія, нежели вреда.

Старикъ. Послѣдній всегда ближе къ намъ.

Я. Такъ по видимому невѣрность...

Старикъ. Нѣтъ, сударь, нѣтъ, болѣе этого, коварство.

Я. Коварство! Боже мой! до какой степени унижаютъ себя эти творенія. —

Старикъ. Низкой, прибавьте, и даже постыдной.—

Я. Я думаю, воспоминаніе это наводитъ вамъ болѣе непріятностей.

Старикъ. Не всегда. Было время, когда я роптал на судьбу, но нынѣ нахожу утѣшеніе въ однихъ теплыхъ молитвахъ къ Богу и безпредѣльной къ нему довѣренности.

Я. И истребили изъ сердца горести, нарушающія вамъ покой?

Старикъ. Почти такъ.

Я. И довольны вашимъ состояніемъ.

Старикъ. Болѣе, нежели нужно. Благодаря Бога, я здоровъ, силы мои позволяютъ мнѣ работать, пищу имѣю вкусную.

Я. Но удаляясь отъ свѣтской жизни лишены пріязни, дружества, удовольствій? —

Старикъ. Все это одинъ призракъ... мечта... повѣрьте мнѣ, что пріязнь и дружба, о которыхъ вы говорите на устахъ людей, а удовольствія обольстительны для легкомысленныхъ, непонимающихъ настоящей цѣли нашего назначенія.

Я. Но эти основательныя познанія, безъ всякаго сомнѣнія, пріобрѣли вы чрезъ ваши бѣдствія?

Старикъ. Ваша правда. Когда я утопалъ въ рос-

кони, нѣгѣ, сладострастіи, тогда — ахъ, тогда я былъ слѣпецъ; — не могъ обсудить предмета, ни вникнуть въ причины его; все казалось мнѣ возможнымъ, я восхищался лестію, почиталъ пронырство, одобрялъ хитрость, обманъ; называлъ эти свойства рѣдкими, приписывалъ ихъ къ чести ума, отличныхъ дарованій, и въ этомъ заблужденіи отъ непомѣрнаго высокомѣрія, гордился счастіемъ своимъ, которое теперь считаю истиннымъ несчастіемъ.

Я. Но если при такомъ пристрастіи, вы сами не были орудіемъ несчастія ближнихъ, то для чего вамъ сомнѣваться. . .

Старикъ. Въ отвѣтственности предъ Богомъ! о! нѣтъ, сударь, я долженъ ежечасно объ этомъ помышлять; легковѣріе мое, безъ сомнѣнія, навлекло многимъ величайшія бѣдствія.

Я. Быть можетъ. Но не бывъ свидѣтелемъ вашихъ поступковъ, не льзя судить объ нихъ основательно.

Старикъ. Натурально. Вамъ надобно знать исторію моей жизни.

Я. Если вы почтете меня своею довѣренностію...

Старикъ. Съ большимъ удовольствіемъ, не поскучайте только; я вамъ перескажу ее съ начала моего дѣтства.

(*Молчаніе.*)

Въ ту минуту, обернулся онъ отъ меня въ уголъ, сталъ на колѣни и началъ молиться Богу; я догадался, что онъ хочетъ призвать въ помощь Его, излить предъ нимъ свои чувства и облегчить страждущее сердце отъ горести.

Въ землянкѣ его не было ни пола, ни печки, ни стульевъ; маленькая скамеечка и столикъ, замѣняли мебель; въ другомъ углу на короткихъ подставкахъ настланныя три доски, на которыхъ лежалъ мѣлкій камышъ, а въ изголовьѣ цѣлый пучекъ, служили ему вмѣсто мягкой постели; въ сѣнцахъ стояло ведро съ водою и разная посуда, для варки кушанья.

При взглядѣ на эти вещи, онѣ какъ будто упрекали утопающаго въ роскоши человѣка, и говорили ему: »тебѣ не предстоитъ надобности обладать большими »имуществами истяжать тлѣнныя сокровища; посмо»три на этого старца: — онъ доволенъ малымъ; »сытъ, веселъ и за это самое благоговѣетъ предъ про»видѣніемъ болѣе, нежели жадный корыстолюбецъ, »ежедневно ропщущій на невыгоды свои и недо»статки.«

Старикъ окончивъ молитвы, положилъ предъ образомъ три земные поклона, вздохнулъ, и оборотившись ко мнѣ сказалъ:

Какая тягость спадаетъ съ сердца моего, когда я исполняю долгъ христіанскій; — ты не повѣришъ, дорогой гость, этому непонятному чувству, вселяющему въ насъ утѣшеніе къ будущимъ радостямъ. Оно придаетъ мнѣ животворную силу мысленно переселяться въ горніе предѣлы и презирать земныя наслажденія.

Я. Счастливъ тотъ, кто достигаетъ до этого блаженнаго состоянія!

Онъ взялъ записную книжку и началъ разсказывать мнѣ свои происшествія.

Я родился въ уѣздномъ городкѣ. Отецъ мой служилъ по выборамъ сперва Засѣдателемъ, а потомъ

Уѣзднымъ судьею; имѣнія онъ имѣлъ не болѣе 30 душъ. До 13-ти лѣтъ, выучился я дома порядочно читать и писать. Вскорѣ умерла моя мать и завѣщала при смерти своей душъ съ 200 моему отцу. Разбогатѣвши, отвезъ онъ меня на воспитаніе въ столицу и препоручилъ благоразумному наставнику, которому платилъ за воспитаніе и ученіе не малую сумму. Въ продолженіе 5-ти-лѣтняго курса, на отца моего были поданы извѣты въ лихоимствѣ; онъ долго находился подъ судомъ, оправдался предъ нимъ, но съ большею потерею имѣнія. Мнѣ неизвѣстно, участвовалъ ли онъ взведенныхъ на него преступленіяхъ, но вѣрно знаю, что мучительная неизвѣстность о рѣшеніи его участи была причиною скоропостижной его смерти. Тетка моя, съ отцовской стороны извѣстивъ меня о его кончинѣ, заставила меня возвратиться въ родину. Пять лѣтъ она была моею опекуншею; и когда меня ввели вовладѣніе оставшагося послѣ отца имѣнія и я желалъ поступить въ военную службу, а управленіе его препоручить ей, она употребила всѣ средства отклонить меня отъ моего намѣренія, и, противъ желанія опредѣливъ въ статскую службу, успѣла женить на дочери сосѣда, человѣка, пристрастившагося къ корысти, которой ни очемъ болѣе не помышлялъ, какъ разнообразными средствами увеличить свое состояніе.

Тестю моему не нравилась безпристрастная моя и безкорыстная жизнь. Сначала не постигалъ я тому причины, но въ послѣдствіе времени узналъ, что главною пружиною тому была его дочь, а моя жена, которая по не помѣрной роскоши была не довольна предоставляемымъ мною ей на ея расходы содержа-

ніемъ. Совѣты отца ея подтвердили эту истину. — Онъ при каждомъ свиданіи убѣждалъ меня не упускать по службѣ изъ виду выгодъ и даже изыскивать средства увеличивать ихъ медлительнымъ рѣшеніемъ текущихъ дѣлъ, до того времени, пока они со стороны просителей не принесутъ мнѣ вящщей пользы. Но совѣсть не допускала меня нарушить данную предъ Богомъ и Государемъ присягу; чрезъ это сдѣлался я ненавистенъ женѣ и тестю. Первая оставила почти домъ и проводила время, то въ собраніяхъ, то на балахъ, а иногда въ театрѣ, а послѣдній платилъ мнѣ за мои визиты хладнокровіемъ и презрѣніемъ. Сдѣлавшись чуждымъ родственной пріязни и потерявъ чрезъ постоянство характера любовь жены, находилъ я утѣшеніе въ вѣрной моей обязанности; но это счастіе продолжалось не долго; знакомые ея повлекли меня къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Въ дружескихъ бесѣдахъ, за бостонною игрою, вистомъ, началъ я забывать свою должность, льстилъ случайнымъ, старался потворствовать ихъ дѣламъ, угнѣталъ справедливыхъ, лишалъ ихъ чрезъ неправосудіе чести — имѣнія, и, обогативъ себя для прихотей, роскошной и изнѣженной жизни, былъ нечувствителенъ къ раззорившимся отъ моего невниманія, короче сказать: беззащитный, слабый, угнѣтенный ненавистію ближняго находилъ во мнѣ не покровителя, но корыстолюбца, употребившаго во зло власть, довѣренность, совѣсть и честь.

Я. И долго вы были въ этомъ заблужденіи? —

Старикъ. Болѣе 5-ти лѣтъ. Въ это время супруга моя завела тайныя связи съ богатыми и случай-

ными людьми, нарушила супружескіе обѣты и платила мнѣ за угожденія однимъ вѣроломствомъ.

Я. Развѣ вы не въ силахъ были удержать ее?

Старикъ. Отъ распутства, хотите вы сказать? чѣмъ болѣе старался я исправить ее нравственность, тѣмъ болѣе вооружилъ ее противъ себя, и она въ защиту мнимой своей невинности, сыскавъ покровителя направила его оклеветать меня предъ моимъ начальствомъ, и чрезъ это средство лишила меня довѣренности его, дружбы знакомыхъ и любви родныхъ.

Я. И вы, по видимому, не пожелали быть предметомъ презрѣнія?

Старикъ. Этого мало, насмѣшекъ, злословія, я долженъ былъ вытерпѣть всю кару мщенія преступной женщины, разсѣявшей ложные слухи о моемъ поведеніи. Она довела меня до того, что каждой человѣкъ сдѣлался мнѣ чуждымъ и при каждой встрѣчѣ бѣгалъ отъ меня, какъ отъ хищнаго звѣря.

Я. Кто же показалъ вамъ путь въ эти необитаемыя мѣста?

Старикъ. Познакомившійся со мною въ Астрахани рыбакъ. Онъ часто ловитъ рыбу въ этомъ заливѣ и отвозитъ ее для продажи въ городъ.

Я. И посѣщаетъ васъ?

Старикъ. Нѣтъ. Ему неизвѣстно мое жилище; я избралъ его самъ и устроилъ собственными руками.

Я. Все это хорошо; но откуда же достаете вы пропитаніе?

Старикъ. Я ѣзжу въ моей лодочкѣ два раза въ годъ, а иногда 3 въ городъ, продаю тамъ рыбу и запасаюсь продовольствіемъ.

Я. И уже ли ни когда не думаете возвратиться въ отечество? —

Старикъ. Въ отечество? Ахъ, сударь, при этомъ словѣ трепетъ невольно проникаетъ въ мое сердце. Кому оно не драгоцѣнно? Нѣтъ въ мірѣ человѣка, который бы не вспоминалъ о немъ, нѣтъ существа, которое бы чуждалось его. Въ немъ покоится прахъ моихъ родителей, прахъ предковъ; при старости лѣтъ, желалъ бы я пролить эту горячую слезу надъ ихъ могилою, и если можно, съ спокойнымъ духомъ умереть подлѣ ихъ. Но я не думаю, что бы съ отсутствіемъ моимъ людское злословіе утихло. — Ахъ! Оно при первомъ моемъ появленіи поразитъ меня, какъ ядовитая стрѣла.

Я. Предусмотрительность ваша похвальна, въ присутствіи вашемъ могутъ возникнуть пересуды; могутъ родиться сомнѣнія о вашей отлучкѣ, о вашемъ предпріятіи; быть можетъ его сочтутъ страннымъ, будутъ осмѣивать; это наведетъ вамъ новыя непріятности, и вы раскаетесь, что разстались съ уединенною своею жизнію. Все такъ; но позвольте мнѣ вамъ откровенно сказать: вы стары, годъ отъ году силы ваши ослабѣваютъ; придетъ время, что вы не въ состояніи будете трудиться; къ этой слабости, случайно можетъ обременить васъ тяжкая болѣзнь; скажите, кто подастъ вамъ руку помощи, когда не въ состояніи вы будете привстать съ своего мѣста? — Кто промочитъ засохшій вашъ языкъ отъ жажды? Кто подастъ вамъ пищу, что бъ утолить вашъ голодъ? Одна томительность, неразлучная собесѣдница вашего злополучія приготовитъ вамъ мучительную смерть; и тогда, когда дыханіе ваше прекратится,

трупъ вашъ останется безъ человѣческаго сострадания; ни кто не подойдетъ къ нему, ни кто не взглянетъ съ сожалѣніемъ на охладѣвшія ваши члены; — въ это уединеніе, въ которое ни одинъ человѣкъ не прокладывалъ слѣда, можетъ быть, дикіе звѣри съ стремительностію нападутъ на нихъ и будутъ терзать ихъ по частямъ. Представьте эту картину въ умѣ своемъ, помыслите только, какой жестокости подвергаете вы себя произвольно, и изъ чего? Изъ того единственно, что тягостно показалось вамъ переносить обыкновенныя непріятности, которыя неизбѣжны между людьми; и если вы, посвятивъ себя пустынической жизни, думаете однимъ раскаяніемъ загладить ваши преступленія, предавъ себя въ жертву неизвѣстности, то и въ этомъ случаѣ не достигнете желаемой цѣли. Такъ, милостивый государь, я говорю вамъ сущую правду. Теплыя молитвы и чистосердечное раскаяніе угодны Богу тогда, когда заглаждаете вы преступленія свои добрыми дѣлами.

Старикъ. Но гдѣ я найду обиженныхъ, что бы испросить у нихъ прощеніе, и въ состояніи ли вознаградить ихъ потерю, когда самъ бѣденъ.

Я. Это правда, найти ихъ трудно, а можетъ быть и не возможно; иные померли, другіе забыли прискорбія свои и положились во всемъ на власть Всевышняго; безъ сомнѣнія, есть изъ нихъ и такіе, которые сами не захотятъ принять потеряннаго; но вамъ предстоитъ много случаевъ вмѣсто ихъ оказать помощь другимъ. Перемѣните вы вашъ образъ жизни; изберите для себя близъ города хижину и соотвѣтственно силамъ трудитесь ежедневно. Малѣйшую часть заработка употребляйте на содержаніе самаго себя,

Успѣхъ ихъ торговли зависитъ навсегда отъ благопріятствующаго времени. Если въ Персіи или и въ самой Астрахани не существуетъ зараза, то всѣ шелковыя матеріи могутъ получать они въ короткое время изъ карантиннаго очищенія, а по заплатѣ въ таможню пошлинъ перевезти въ складочныя мѣста и свободно заниматься продажею ихъ; но когда чума свирѣпствуетъ въ сильной степени и издѣлія ихъ находятся въ окуркѣ по шести недѣль, то въ это продолжительное время нѣжныя ткани, въ особенности шелкъ, подвергнувшись отъ газа порчѣ, съ одной стороны вводитъ ихъ въ потерю, съ другой, пріостанавливаетъ ходъ торговаго оборота; но эту потерю вознаграждаютъ разчетливые Персіяне возвышеніемъ цѣнъ на ихъ издѣлія.

Нѣкоторые изъ нихъ торгуютъ ими на Нижегородской ярмаркѣ, другіе продаютъ ихъ оптомъ Астраханскимъ армянамъ, а большая часть Персіянъ занимается въ Астрахани штуковою продажею. Изъ всѣхъ вещей, шали ихъ и ковры отличаются отъ Европейскихъ издѣлій не только добротою, но и отблескомъ разноцвѣтной игривости. Часто случается, что за шаль перваго сорта берутъ они по двѣ и по три тысячи рублей, а за лучшій коверъ по 2,000 рублей; но штука бурмети, на подобіе нашей нанки, въ 16 и 17-ть аршинъ длиною, а въ ¾ ширины стоитъ 8 рублей мѣди; кусокъ ладжи (полушелковой ткани) длиною въ 15 аршинъ, а шириною въ ½ ар. 35 руб. простыя же ткани малоцѣнны и въ сравненіи съ Русскими столь дешевы, что каждой Европеецъ удивится и не сочтетъ за вѣроятное, чтобы

Персидскіе мануфактуристы приобрѣтали отъ занятій своихъ какую либо выгоду.

Изъ доставляемыхъ ими древесныхъ плодовъ, свѣжіе продаютъ только гранатки (*), а инжиръ, шепталу и курегу сушеные на вѣсъ и за умѣренную цѣну. Можно было замѣтить, что на выгоду тѣхъ произведеній Персіяне не обращаютъ особеннаго вниманія и всегда стараются продавать ихъ оптомъ Армянамъ, которые большую часть перепродаютъ на Нижегородской ярмаркѣ, а меньшую по мѣлочи въ самомъ городѣ.

Живущіе въ Астрахани Персіяне Магометанскаго вѣроисповѣданія. Они чтутъ алкоранъ, какъ большая часть восточныхъ народовъ, исключая идолопоклонниковъ. Строгіе блюстители своей Религіи и не пристрастны къ изслѣдованію другихъ вѣроисповѣданій.— Вставъ рано утромъ, они, по обыкновенію своему, не принимаясь ни за какое дѣло обмоютъ сперва изъ кувшина холодною водою всѣ члены своего тѣла, исключая спины; напослѣдокъ, въ зимнее время на нарахъ въ своей комнатѣ, а въ лѣтнее на дворѣ или на крыльцѣ постелятъ на землѣ коверъ, на которомъ поджавъ ноги читаютъ шепотомъ молитвы; съ благоговѣніемъ приподнимаютъ руки къ Небу и дѣлаютъ земные поклоны (**).— Въ продолженіе этого времени, они не только невнимательны ни къ какимъ предметамъ, но даже не обратятъ взоровъ своихъ на по-

---

(*) Гранатокъ сотня стоитъ 10 руб. мѣди, пудъ инжиру 8 руб., а куряги и шепталы по 6 руб.

(**) Этотъ обрядъ соблюдаютъ они и по закатѣ солнца, безъ всякой отмѣны.

сторонняго человѣка, отъ котораго могли бы получить вящщую пользу. Такъ мысли ихъ и чувства устремляются къ Вездѣсущему, ниспосылающему намъ обильные свои дары.

По окончаніи молитвъ пьютъ они щербетъ, любимой ими напитокъ, употребляемый въ мѣсто чаю или кофе, а потомъ занимаются продажею товаровъ; если же нѣтъ покупщиковъ, то курятъ табакъ изъ кальяна, или перебирая безпрерывно четки, читаютъ шепотомъ молитвы. Къ обѣду и ужину наемная прислуга изъ ихъ же націи приготовляетъ имъ кушанье на Азіятскій вкусъ. Они также, какъ и Армяне любятъ до чрезмѣрности жареную на шышлыкѣ баранину, называемую ими кабафъ, плавъ изъ сарочинскаго пшена съ курятиною, а чаще всего бараній супъ съ какою нибудь зеленью; никогда за столомъ не употребляютъ горячихъ напитковъ, умѣренны въ ѣдѣ, но пристрастны къ лакомству; инжиръ, изюмъ и прочія сласти употребляютъ Персіяне вмѣсто десерта. Во время обѣда ужина или завтрака принимаютъ съ вѣжливостію пришедшаго къ нимъ человѣка, угощаютъ его своими яствами и при отходѣ имѣютъ обыкновеніе надѣлять закусками; — но эта благорасположенность оказывается, по большой части, тѣмъ лицамъ, которые имѣли съ ними связи по торговымъ сношеніямъ, или въ коихъ они имѣютъ надобность для соблюденія будущихъ выгодъ. Во время же поста (рамазанъ) прекращаютъ свою торговлю и не имѣютъ никакого сообщенія съ посторонними людьми.

Они почитаютъ также за величайшій грѣхъ ѣсть варепое мясо и даже разнаго рода кушанье, приго-

товленное Христіаниномъ. Никогда не покупаютъ у нихъ говядины или баранины и на предметъ этотъ имѣютъ своихъ мясниковъ, убивающихъ животныхъ для ихъ продовольствія. Съ презрѣніемъ смотрятъ на людей, употребляющихъ въ пищу свинину и при входѣ въ комнату къ иновѣрцу не могутъ вытерпѣть запаха ея. Тщательно стараются избѣгать знакомства приверженцевъ этой пищи и оскорбительной насмѣшки надъ ихъ обыкновеніями. Не любятъ разсуждать съ Христіанами о своей религіи и каждой вопросъ о ней оставляютъ безъ вниманія.

Постоянство ихъ характера обнаруживается болѣе при торговыхъ съ купцами сношеніяхъ. Замѣтивъ, что покупщикъ или продавецъ товара, подъ разными предлогами измѣняетъ свое обѣщаніе, Персъ, безъ распрей окончитъ съ нимъ разсчетъ съ потерею собственности и послѣ того, никогда уже не вступитъ съ нимъ въ торговыя связи. Каждой изъ нихъ гнушается лжи и вѣренъ въ исполненіи даннаго слова. Изъ устъ его никогда не услышимъ лести, свойственной хитрому человѣку, онъ чуждъ подобострастія, смѣлъ въ обращеніи, съ живостію объясняетъ свою надобность и не способенъ ни къ какому притворству словомъ сказать: въ чертахъ лица его примѣтны; величавость и благородство души.

Не имѣя обыкновенія изъ отчизны своей вывозить въ Астрахань женъ и дѣтей, Персіяне, въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ отправляются одинъ разъ въ Персію для свиданія съ своими семействами. Въ это время остаются торговать въ ихъ лавкахъ родственники. а иногда и прикащики. Въ общественномъ ихъ домѣ нѣтъ ни одной женщины и всю домашнюю ра-

боту исправляютъ наемные Татары. Этотъ строгой образъ жизни невольнымъ образомъ заставляетъ каждаго подумать, что они не пристрастны къ сладострастію и свято чтутъ супружескіе обѣты; но не входя въ изслѣдованіе предосудительныхъ поступковъ, надобно сказать, что Персіяне на содержаніе семействъ своихъ высылаютъ въ родину достаточныя суммы и никогда не доводятъ престарѣлыхъ своихъ родителей до нищеты; Почитаютъ священнѣйшею обязанностію жертвовать для нихъ всѣмъ своимъ имуществомъ, съ усердіемъ исполнять ихъ волю и быть благодарными за ихъ попеченія.

Въ лѣтнее время имѣютъ обыкновеніе выѣзжать въ сады на цѣлой день. Выбравъ себѣ прохладное мѣсто подъ тѣнію вѣтвистаго дерева и приготовивъ вкусныя яства, вѣжливые персіяне въ безмолвной тишинѣ насыщаются ими съ такимъ дружескимъ расположеніемъ, какъ чадолюбивый отецъ за трапезой въ кругу любезнаго своего семейства. Скромную эту бесѣду всегда охраняетъ по просьбѣ ихъ радушной садоводецъ и не допускаетъ къ ней постороннихъ людей для нарушенія спокойствія. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, иные по пристрастію своему занимаются шахматною игрою, другіе играютъ на Азіятской балалайкѣ, а прочіе подпѣваютъ пѣсни, и съ такою тихостію, что напѣвъ ихъ едва услышишъ за нѣсколько саженъ. Его протяжный звукъ, соотвѣтствующій положенію любимцевъ уединенія наводитъ болѣе скуки, нежели удовольствія. Всего занимательнѣе видѣть уклончивость ихъ отъ сообщенія съ иновѣрцами и постигнуть настоящую тому причину. Она, по мнѣнію моему, заключается въ основномъ ихъ

характерѣ, которой не имѣетъ наклонности заводить излишнихъ разговоровъ, не терпитъ шуму и не любитъ видѣть несогласія. Персы, замѣтивъ, что прочіе Азіятцы на гульбищахъ предаются Бахусу, а при играхъ и пляскахъ безпрерывно кричатъ предпочли уединеніе безпокойной бесѣдѣ.

Разсматривая отдѣльно характеръ Персіянъ, можно было замѣтить, что они отъ природы имѣютъ отличныя способности къ наукамъ, но отъ упражненія ими отвлекаетъ ихъ торговля, тѣсно соединенная съ ихъ пользою. Впрочемъ, отъ сообщенія съ разноплеменными народами научаются они практически объясняться на армянскомъ, грузинскомъ и Индійскомъ языкахъ, но на Русскомъ не соблюдаютъ во многихъ рѣченіяхъ правильности; природные россіяне съ трудомъ понимаютъ ихъ объясненія и часто ведутъ съ ними переговоры чрезъ переводчиковъ. Эти люди служатъ имъ вмѣсто еврейскихъ факторовъ. Они узнаютъ ото всѣхъ торговцевъ цѣнность товаровъ, курсъ звонкой монеты, ассигнацій, входятъ въ сношеніе торговыхъ и займообразныхъ сдѣлокъ и объясняютъ имъ выдаваемыя изъ таможни свидѣтельства на вывозъ товаровъ, съ повѣркою взысканныхъ по тарифу пошлинъ; словомъ сказать: во всѣхъ отношеніяхъ не упускаютъ изъ виду пользу довѣрителей, которые при исправныхъ расчетахъ не теряютъ своихъ капиталовъ и всегда въ уваженіи у прочихъ коммерсантовъ.

Во время только праздниковъ (байрамовъ), Персіяне имѣютъ обыкновеніе приглашать къ себѣ въ гости знакомцевъ своихъ и угощать ихъ яствами или напитками, сообразно вкусу каждаго посѣтителя.

Въ ихъ компаніи магометане послѣ обѣда съ удовольствіемъ пьютъ щербетъ, армяне наравнѣ съ русскими чай или пуншъ, а индійцы кофе. Приверженцы къ табаку бесѣдуютъ за кальяномъ, а любители бостонной игры за шахматами. Въ то время, персіяне дѣлаются словоохотнѣе и разсказываютъ знатокамъ ихъ языка о богатствѣ своего отечества съ такою пріятностію, что всякой слушатель остается доволенъ подробнымъ объясненіемъ каждаго предмета. Эти чувствованія, безъ сомнѣнія, возраждаются у нихъ отъ любви къ родинѣ, съ которою они разлучаются изъ корысти, свойственной торговцамъ. Не льзя не отдать имъ должной справедливости и въ знаніи утонченнаго общежитія. Они первымъ правиломъ почитаютъ снискивать довѣренность почетныхъ особъ и пользоваться ихъ благорасположеніемъ. Многіе изъ вѣжливости удостоиваютъ ихъ праздники посѣщеніями, и эта оказанная имъ честь дѣлается предметомъ общаго въ городѣ разговора въ продолженіе нѣсколькихъ дней.

Занимательнѣе же всего видѣть, какъ они до наступленія байрама обязаны исправлять правила алкорана, относительно чистоплотности.

Не имѣя особенной бани по примѣру соотчичей своихъ Астраханскіе Персіяне нанимаютъ ее всегда на таковой случай у Татаръ, живущихъ въ слободкѣ за канавою. Въ назначенный день выйдутъ они на крыльцо и дожидаются, когда взлезетъ Муэзсынъ на крышу мечети и будетъ оповѣщать магометанъ о готовности ихъ чистилища; и лишь только первый отголосокъ дойдетъ до ушей ихъ, то въ ту же минуту, прислуга договоритъ имъ нѣсколько экипажей, на

которыхъ они отправятся въ баню, со всѣми для ея приготовленіями. По пріѣздѣ въ которую служители раздѣнутъ ихъ въ особой комнатѣ и одѣвъ въ бѣлыя простыни вводятъ каждаго въ теплый передбанникъ, скидаютъ съ нихъ покрывала и по очереди кладутъ на мраморную доску, на которой вытрутъ сперва все тѣло мазью называемою на ихъ языкѣ Нуре. Она составляется изъ извести и желтаго арсеника или заячьей капусты. Отъ этого состава волосистыя части тѣла въ нѣсколько минутъ сдѣлаются гладки, какъ ладонь. Послѣ этого два банщика перекладываютъ каждаго на другую доску и начнутъ на ней мять, вытягивать, жать и расправлять всѣ части тѣла, всѣ составы. Между тѣмъ, какъ двое трудятся надъ однимъ, третій безпрестанно льетъ на него теплую воду; напослѣдокъ ловкой и расторопной банщикъ надѣвъ на руку волосяную руковицу начинаетъ ею тереть Персіянина и сдираетъ съ него кожу слоями, наподобіе смоченыхъ лоскутовъ бумаги. Эту двухъ часовую операцію называютъ они Тимаръ-Керденъ, т: е: скрести или производить соскребаніе. Для прикрасы имѣютъ они обыкновеніе въ этой же бани выкрашивать свои волосы въ черный цвѣтъ, посредствомъ краски, составляемой изъ листьевъ дерева индиго; а иные обсыпавъ ихъ порошкомъ Генне преобратитъ въ красный цвѣтъ. По выходѣ изъ бани въ чистую комнату, въ полномъ одѣяніи сядутъ на нары, устланные коврами и примутся курить трубки или кальянъ (наргеле), пить кофе и вести какой нибудь любопытный разговоръ часа по четыре.

Возвратясь въ общественный домъ, каждый изъ нихъ въ своей комнатѣ почитаетъ священною обязан-

ностію до обѣда вычитать молитвы, а послѣ отдыха заниматься коммерціею.

Не смотря на сухощавое тѣлосложеніе Персіянъ, они довольно крѣпкосильны, ловки и искусные наѣздники. Росту высокаго, окладъ лица имѣютъ продолговатой, носъ-орлиный, а волосы, по большей части черные, которые цвѣту загорѣвшагося отъ солнца лица, придаютъ нѣсколько бѣлизны; богачи носятъ полукафтаньи изъ лучшаго синяго сукна, бешмети изъ шелковой матеріи, подбитыя ватою; нижнее платье изъ ладжи, а на ноги надѣваютъ остроносыя туфли на высокихъ коблучкахъ; во все время года голову покрываютъ высокими изъ черныхъ мерлушекъ шапками, покрой коихъ похожъ на стоячіе колпаки; въ зимнее же время одѣваются въ лучшіе полушубочки, покрытые сукномъ; на противъ того, посредственнаго состоянія Персіяне такого же покроя носятъ полукафтанчики изъ толстаго полусуконья, похожаго на Лагышское сукно, а бешмети, подбитыя ватою шьютъ всегда изъ бурмети; прочее же одѣяніе ихъ не имѣетъ никакой отмѣны.

Языкъ ихъ въ выраженіяхъ противу татарскаго довольно гибкій, деликатный и даже способный къ объясненію остроумія, замысловатости и игривыхъ предметовъ; фигура буквъ ихъ похожа на Арабское письмо. Пишутъ по примѣру восточныхъ народовъ отъ правой руки къ лѣвой. Вмѣсто словесности любятъ заниматься въ дружескихъ бесѣдахъ обсуживаніемъ разнородныхъ предметовъ, а при расположеніи

духа пѣть національныя пѣсни. Ихъ единообразная жизнь покажется для Европейцевъ, привыкшихъ послѣ трудовъ наслаждаться различнаго рода удовольствіями, слишкомъ утомительною.

КОНЕЦЪ.

Среди безплодныхъ степей, около заливовъ рѣки Волги, которые между высокихъ бугровъ протекаютъ, въ иныхъ мѣстахъ на 30, а въ другихъ и на 80 верстъ, учреждена Журуковская почтовая станція, въ 75 верстахъ отъ Астрахани отстоящая. Усталый мой конь заставилъ меня пробыть въ этомъ мѣстѣ сутки. Надобно было откормить его не подножнымъ кормомъ, но Русскимъ, сытнымъ, которой бы возстановилъ силы и укрѣпилъ здоровье. Не смотря на дорогой овесъ, я не щадилъ себя для любезнаго моего товарища, чистосердечно радовался постоянному его характеру и восхищался своенравными, милыми и любезными привычками. Онъ никогда не подпускалъ къ себѣ посторонняго человѣка, не обольщался подносимымъ ему кормомъ и не заставлялъ меня предпринимать строгія мѣры осторожности для сбереженія его. Ни похититель, желающій воспользоваться имъ, ни добросердечный человѣкъ утолить голодъ или жажду не пріобрѣталъ его расположенія. Онъ былъ для всѣхъ, исключая меня, дикъ и неприступенъ. При каждомъ взглядѣ на него возраждалася у меня счастливая мысль: «какимъ бы наслаждались смертные благополучіемъ, — когда бы запечатлѣли въсердцахъ своихъ другъ къ другу равную привязанность; но къ несча-

стію, жребій рода человѣческаго столь разнообразенъ, что по смѣси характера его представляетъ онъ изъ себя жалкую, смѣшную, а иногда и постыдную картину заблужденія.

Убѣдясь въ справедливомъ умозаключеніи, разрушающимъ связи родства и дружбы, я желалъ разсѣять мрачныя свои мысли прогулкою по высокому кургану, вблизи почтовой станціи находившемуся. Услужливый смотритель былъ моимъ путеводителемъ. Мы пошли на него медленными шагами. Взошедши на высокое мѣсто, съ котораго видѣнъ заливъ, вытекающій изъ Волги верстъ на 70-тъ, я полюбовался пестротою тихошумящихъ волнъ и колебаніемъ камыша, издающаго томные отголоски натуральной мелодіи. Блескъ солнечныхъ лучей придавалъ ему разноцвѣтную игривость. Прельстясь поэтическою картиною, воспламеняющею воображеніе, я въ этомъ восхитительномъ состояніи невольнымъ образомъ забылъ, гдѣ я? и кто возлѣ меня? Вдругъ звонъ колокольчика прервалъ мои очарованія, оборотившись назадъ, увидѣлъ я четвероместную коляску, смотритель стремглавъ побѣжалъ въ почтовую станцію прописать подорожную проѣзжающихъ, а меня оставилъ въ пріятномъ расположеніи духа обозрѣть дикія мѣста, отказавшія дѣятельности человѣческой украсить ихъ искусственною прелестію.

Выбѣжавшая съ другой стороны залива подъ парусомъ лодка привлекла мое вниманіе. Я думалъ, что это рыбаки, но по мѣрѣ приближенія ея увидѣлъ въ ней нѣсколько калмыковъ съ семействами своими, направившихъ путь свой перебраться на правую сторону бугра. Въ саженяхъ во сто отъ меня пристали

они къ берегу, перенесли свои имущества и не болѣе, какъ въ 5-ть минутъ раскинули кибитки; вслѣдъ за ними показался маленькій челнокъ, съ двумя человѣками, которые поперегъ залива выметали сѣть и въ минуту скрылись отъ любопытнаго моего взора въ густой камышъ; я желалъ было подойти къ нимъ, распросить ихъ, какую они ловятъ рыбу, изъ какого приплыли мѣста, но всѣ мои старанія были тщетны; сошедши внизъ, потерялъ изъ виду то мѣсто, къ которому они пристали, долго блуждалъ по берегу и не могъ видѣть двухъ существъ, очаровавшихъ мое зрѣніе; любопытство мое удвоилось, я взошелъ опять на бугоръ, и къ удивленію моему увидѣлъ ихъ на другой сторонѣ рукава, вытекающаго изъ того залива. Одинъ изъ нихъ, перебирая сѣть, вынималъ изъ нея желточешуйчатыхъ карасей, другой подгребалъ на веслахъ и предоставлялъ ему возможность свободно вытаскивать свою ловушку. Не прошло 10-ти минутъ рыбакъ сѣлъ въ корму, а весельщикъ поставивъ по срединѣ лодки толстой шестъ, раскинулъ парусъ и подавъ ему веревочныя правила сѣлъ въ носъ. Четверть часа смотрѣлъ я на нихъ жаднымъ взоромъ, и, въ это короткое время при увеличившемся западномъ вѣтрѣ лодка ихъ показалась порхающею на подобіе бабочки. Такъ изсчезъ изъ виду предметъ, занимавшій меня, и такъ быстро летитъ время на крыльяхъ и изсчезаетъ подъ разрушительною косою Сатурна.

Долго стоялъ я въ задумчивости, какъ будто отъ потери милаго сердцу предмета, то желалъ возвратиться на станцію, то думалъ перейти бугоръ и прогулкою успокоить волненіе души, лишенной надежды довлетворить любопытство; — въ эти минуты перѣ-

шительность приковала меня къ одному мѣсту и не давала мнѣ покоя до того времени, пока чувства воспріяли новую силу и бодрость пробудилась въ усыпленной моей душѣ. Мало по малу переступилъ я нѣсколько шаговъ, потомъ удвоилъ ихъ, а наконецъ усилилъ до такой степени, что въ нѣсколько минутъ перебѣжалъ вдоль берега до полверсты. Съ вершины его, увидѣлъ я въ правой сторонѣ другой заливъ, возлѣ котораго въ густомъ камышѣ показавшійся дымъ, обнаружилъ мнѣ вершины кибитокъ; полагая, что это калмыцкій улусъ, прикочевавшій съ границъ земли донскихъ казаковъ, я оставилъ его безъ вниманія, сошелъ на берегъ и пошелъ вдоль бугра, возлѣ камыша, что бы свободнѣе вытти на высокой курганъ, окруженный двумя буграми.

Непонятное чувство влекло меня къ нему, и если бы въ эту минуту кто нибудь спросилъ меня, куда ты идешъ, и за чѣмъ? право я не могъ бы дать никому вѣрнаго отчета. Бываютъ въ жизни минуты, въ которыя человѣкъ, при порывахъ души стремится къ неизвѣстному ему предмету, къ неизвѣстной цѣли, о которой онъ не понимаетъ — не воображаетъ и даже не чувствуетъ; и когда встрѣтимъ что нибудь новое, занимательное, странное или удивительное приписываемъ это случаю или судьбѣ.

Предоставляя философамъ раскрывать порывы душевныя и выводить умозаключенія о вѣрномъ направленіи ихъ къ постоянной мѣтѣ, я обращаюсь къ настоящему моему положенію, и слѣдуя внушенію чувствъ, стремлюсь побывать на курганѣ, которой гордо возвышаясь надъ двумя буграми, какъ будто вла-

стелпнъ защищаетъ ихъ своимъ могуществомъ отъ грозныхъ бурь.

Но чѣмъ скорѣе желалъ я дойти, тѣмъ болѣе непримѣтно видимый предметъ отдалялся отъ меня; я не могъ постигнуть причины — увеличивалъ шаги — быстро перескакивалъ чрезъ маленькіе рвы, наскоро бѣжалъ внизъ — и напослѣдокъ не чувствуя усталости дошелъ до подошвы возвышеннаго и не приступнаго по крутизнѣ своей мѣста; перескочилъ ручеекъ и вышелъ на битую тропинку; — пройдя по ней не болѣе минуты, примѣтилъ я слѣдъ — свѣжій, показывающій въ недавнемъ времени перешедшаго человѣка. Вѣроятно, подумалъ я, есть здѣсь какое нибудь жилье, и потому болѣе, что живши съ калмыками, я никогда не видалъ на ихъ степи такихъ торныхъ дорожекъ; — но разсуждать было нѣкогда — надобно узнать до какого мѣста она проложена — и чей это слѣдъ? Не оставляя изъ виду ни одного шага, дохожу я по той тропинѣ до горнаго утеса, подъ которымъ въ углубленіи показался мнѣ сходъ въ низкое мѣсто; иду по немъ и вижу маленькую дверь, обросшую сверху и по бокамъ мхомъ; на ней не было ни замка ни петли; я дотрогиваюсь до нее, — думаю отворить, и нахожу ее запертою; потомъ начинаю стучать и не прошло четверть минуты, дверь отворилась, и я при входѣ въ темное жилище не вижу никого — и не знаю, кто впустилъ меня; — можно вообразить мое смущеніе — безпокойство и не извѣстность; я хочу переступить съ мѣста, но темнота препятствуетъ мнѣ сдѣлать вѣрное направленіе и погрузила меня въ мрачное безмолвіе. Вотъ камень преткновенія. Одно мгновеніе перемѣняетъ наши мысли,

